

9(3)
к-22.

Проверено 194

Н. КАРБЕВЪ.

Д. У. И.

С. 318.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ КУРСЪ

ИСТОРИИ ДРЕВНЯГО МІРА

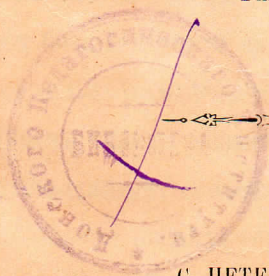
(Греція и Римъ).

БИБЛИОТЕКА
Новоторжеского
Педагогического
училища
30779

3-Е ИЗДАНИЕ.

Вступленіе. — Географическія и этнографическія условія. — Сравнительная характеристика грековъ и римлянъ. — Античный міръ и цивилизація Востока. — Характеръ античнаго міросозерцанія и гуманизмъ. — Политическій бытъ классическихъ народовъ. — Идея равенства у древнихъ. — Международныя отношенія и объединеніе міра. — Прогрессъ въ древней исторіи. — Паденіе античнаго міра.

Приложеніе. Сравнительная хронологическая таблица къ исторіи Греціи и Рима.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. П. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

БИБЛИОТЕКА
Шахтинского Педагогического
Института
62452

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го мая 1895 года.

Д. У. И.

С. 318.

ВСТУПЛЕНИЕ.

(О хронологическихъ предѣлахъ древней исторіи).

Обычное дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую съ новѣйшей имѣетъ ближайшее отношеніе только къ исторіи западной Европы. Дѣло въ томъ, что современные европейскіе народы, стоящіе во главѣ цивилизаціи, основались большею частью въ предѣлахъ древней Римской имперіи, унаслѣдовали частью ея языкъ, получили отъ нея свою культуру, заимствовали у нея свою цивилизацію; ихъ исторія поэтому тѣсно связана съ исторіею классическихъ народовъ, на которую современные европейцы совершенно въ правѣ смотрѣть, какъ на начало своей собственной, какъ на свою древнюю исторію. Въ прямомъ смыслѣ древняя исторія большей части европейскихъ націй, живущихъ нынѣ, началась только съ паденіемъ Римской имперіи, когда пришедшіе изъ лѣсовъ Сѣвера новые народы разрушили эту имперію, заняли ея провинціи, основали въ нихъ свои государства. Античная цивилизація погибла тогда въ морѣ варварства, и цѣлое тысячелѣтіе (VI—XV вв.) прожили новые народы, пока не

стали на тотъ уровень, на которомъ стояли уже греки и римляне, — пока не сдѣлались сами способны продолжать дѣло, начатое ими. Этотъ переворотъ совершился къ концу XV вѣка, когда европейцы были снова въ обладаніи всѣмъ богатымъ художественнымъ, литературнымъ, научнымъ и философскимъ наслѣдіемъ классиковъ; только тогда, когда они получили возможность идти далѣе по пути прогресса, вступили они въ свою новую исторію. Естественно было имъ, разсматривая прошлое грековъ и римлянъ, какъ свою древнюю исторію, и чувствуя наступленіе новаго времени, взглянуть на дѣйствительно свою древнюю исторію, какъ на нѣчто промежуточное, какъ на нѣчто, занимающее середину между древностью и новымъ временемъ, и дать этому промежуточному названіе *средневѣковья*, *medium aevum*, *le moyen âge*, *das Mittelalter* *). Такъ и получилось раздѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую, которое было потомъ перенесено и на внѣевропейскія страны, когда, напр., говорятъ о средневѣковомъ Востокѣ. Поэтому, подъ древней исторіей разумѣютъ не только прошлое грековъ и римлянъ, но и другихъ культурныхъ народовъ за то же время, другими словами, прошлое Востока, включая сюда Египетъ, Финикію, Іудею, Ассирію и Вавилонъ, Индію и Персію, Индію и Китай, т. е. такія страны, съ прошлымъ которыхъ исторія Европы находится въ болѣе отдаленной, нежели съ исторіей грековъ и римлянъ, или даже внѣ всякой связи. Много научнѣе было бы дѣлить исторію на евро-

*) Это выраженіе явилось впервые въ XVII в., но первоначально оно имѣло только филологическое значеніе, такъ какъ терминомъ *media latinitas* обозначался періодъ въ исторіи латинскаго языка отъ Антониновъ до XV в.

пейскую и внѣевропейскую, тѣмъ болѣе, что всѣ народы нашей части свѣта принадлежать къ одному, самому одаренному судьбою племени, именно къ арийскому, представителями котораго въ Азіи являются только иранцы и индусы. Съ другой стороны, культурная жизнь Европы началась гораздо позднѣе, нежели въ Азіи, причисляя къ послѣдней и Египетъ: почти всѣ внѣевропейскіе культурные народы были уже народами старыми, когда начинается исторія грековъ и римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, хронологія Египта, Вавилона, Ассиріи, Финикіи, Іудеи заходитъ за тысячу, за двѣ, за три тысячи и болѣе лѣтъ до Р. Х., тогда какъ первая олімпіада, бывшая въ 776 г. до Р. Х., съ которой греки вели свое лѣтосчисленіе, и основаніе города Рима въ 753 г. до нашей эры, съ коего ведется счетъ годовъ въ римской исторіи, относятся все еще къ эпохѣ, предшествующей, собственно говоря, историческимъ временамъ классическихъ народовъ. Только образованіе персидской монархіи, этой вѣчной соперницы греческаго народа, совпадаетъ по времени съ той эпохой (VI в. до Р. Х.), когда наступаетъ періодъ полнаго блеска эллинской исторіи, и когда прошлое Рима начинаетъ мало-по-малу обрисовываться опредѣленнѣе изъ мифа и саги.

Разсматривая далѣе хронологическіе предѣлы того, что можно назвать исторіей классическихъ народовъ, мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что начало дѣятельной роли Рима въ судьбахъ античнаго міра относится ко времени упадка древней Греціи *). Херонейская битва 338 года лишила эллинскія государства ихъ политической независимости, подчинивъ ихъ

*) См. приложеніе I, таблица А.

Македонии, тогда какъ въ эту самую эпоху власть Рима, покрившаго впоследствии столько земель, едва только утвердилась окончательно въ маленькой области Лаціума: господиномъ міра дѣлается Римъ только лѣтъ черезъ двѣсти послѣ того, какъ закончился блестящій періодъ Греціи. Около двухсотъ лѣтъ прошло также послѣ того, какъ окончился золотой вѣкъ греческой литературы, прежде нежели началось литературное процвѣтаніе Рима. Въ самомъ дѣлѣ, величайшіе писатели Греціи: Пиндаръ и Эсхиль, Софокль, Геродотъ и Эврипидъ, Фукидидъ, Аристофанъ и Ксенофонтъ, Платонъ, Аристотель и Демосѣенъ жили всѣ между 527 и 322 гг. до Р. Х. *): все лучшее въ греческой литературѣ возникло именно за этотъ промежутокъ времени, тогда какъ величайшіе писатели Рима относятся почти всѣ къ періоду гораздо позднѣйшему: Цицеронъ родился въ 106 г. до Р. Х., а потомъ по порядку годовъ рожденія слѣдуютъ Юлій Цезарь, Лукрецій, Корнелій Непотъ, Катуллъ, Саллюстій, Виргилій, Гораций, Титъ Ливій, Проперцій и Овидій, со смертью коего въ 17 году по Р. Х. кончается золотой вѣкъ римской литературы **).

Намъ остается теперь опредѣлить границу, отдѣляющую древнюю исторію отъ средней. Обыкновенно принято указывать на 476 г. по Р. Х., когда произошло, такъ называемое, паденіе Западной Римской имперіи. Понятно, что это дѣлается только для удобства. Собственно говоря, нужно искать здѣсь не какого-либо внѣшняго событія, а цѣлаго ряда явленій, которыя обозначали бы смерть стараго и начало новаго порядка вещей. Къ IV

*) 527 г.—годъ рожденія Эсхила, 322—годъ смерти Демосѣена.

**) См. приложение I, таблицу В.

и V вв. по Р. Х. античный міръ, дѣйствительно, до того одряхлѣлъ, что началъ самъ по себѣ разсыпаться, и этому разложению стараго содѣйствовало, съ одной стороны, торжество христіанства надъ античнымъ язычествомъ (313 г.), а съ другой—вторженіе варваровъ въ предѣлы Римской имперіи, въ которыхъ они устраиваютъ въ V и VI вв. свои государства. Около 530 г. старое испустило послѣдній вздохъ: философія, бывшая, такъ сказать, спеціальностью греческаго творчества, должна была покинуть родную почву, когда Юстиніанъ Великій приказалъ закрыть языческія школы въ Аѳинахъ, и въ то же самое время, по приказанію того же Юстиніана, составляется знаменитый *Corpus juris civilis*, чѣмъ заканчивается процессъ развитія античнаго права, бывшаго спеціальностью творчества римскаго. Если, поэтому, искать конечный предѣлъ для культурной исторіи древняго міра, то слѣдуетъ остановиться на 533 г., когда были обнародованы всѣ главнѣйшія части *Свода гражданскаго права*.

Изъ этого опредѣленія хронологическихъ границъ древняго міра въ Европѣ вы можете видѣть, что онъ представляетъ изъ себя болѣе, чѣмъ тысячелѣтнюю исторію двухъ народовъ, которые распространили свою власть и свое просвѣщеніе по всѣмъ странамъ, окружающимъ Средиземное море. Изученіе этого міра имѣетъ особенный интересъ: съ одной стороны, мы имѣемъ здѣсь дѣло, такъ сказать, съ законченнымъ процессомъ, съ замкнутымъ цикломъ съ первыхъ зачатковъ исторической жизни до полного разложенія тѣхъ учреждений и вѣрованій, которыми жилъ и держался древній міръ, съ другой—передъ нами цѣлая,

своеобразная цивилизация, которая была однимъ изъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ цивилизаціи нынѣ живущихъ образованныхъ націй. Вотъ, многого было до насъ, ослѣдствіе того, что — Три великіе фактора создали цивилизацію новой Европы. Это — наслѣдіе античнаго міра, т.-е. греко-римская культура, во-первыхъ, — христіанство, сдѣлавшееся религіей европейскихъ націй, во-вторыхъ, — и новые народы германскаго и славянскаго племени, въ-третьихъ. Вамъ извѣстно, что значительная часть государствъ новой Европы возникла на развалинахъ Римской имперіи, языкъ которой, извѣстный подъ названіемъ латинскаго, не только далъ начало романскимъ нарѣчіямъ, т.-е. итальянскому, французскому, испанскому, португальскому, румынскому, но, кромѣ того, долгое время оставался богослужебнымъ и книжнымъ языкомъ и у другихъ народовъ. Какъ ни великъ былъ переворотъ, произведенный въ началѣ среднихъ вѣковъ пришествіемъ новыхъ народовъ, вліяніе античнаго элемента на послѣдующую судьбу европейцевъ не могло окончательно изгладиться, и многія стороны классической цивилизаціи пережили полное ея паденіе, приспособившись къ новымъ условіямъ, созданнымъ германцами и славянами, вошедши въ составъ выработанной ими культуры. Противопоставляя классическому элементу христіанство, принятое германцами и славянами, мы не должны забывать, что и само христіанство перешло къ намъ изъ греко-римскаго міра: возникшее на Востоку, среди еврейскаго народа, оно развивалось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ греко-римской среды, которую и приспособило къ себѣ къ концу древней исторіи. Правда, начало среднихъ вѣковъ ознаменовано полнымъ

уничтоженіемъ античной цивилизаціи въ ея чистомъ видѣ, но мысль грека и римлянина сохранилась въ книгѣ, и съ теченіемъ времени наступила такая эпоха, когда Европа обратилась къ этой книгѣ и стала вытаскивать изъ нея на свѣтъ Божій забытыя сокровища. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ началось *Возрожденіе* классической цивилизаціи. Однимъ изъ первыхъ ея продуктовъ, который снова сталъ входить въ мысль и жизнь европейскаго общества, было римское право, изученіе и примѣненіе коего играло важную роль въ средневѣковой исторіи. Арабская цивилизація, оказавшая сильное вліяніе на развитіе средневѣковой европейской мысли, скрывала подъ собою фундаментъ греческой науки и философіи. Такъ называемая схоластика, составлявшая умственную пищу средневѣковыхъ философовъ, имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ нѣкоторыя положенія греческой философіи. Переходъ Европы въ новую исторію ознаменованъ повальнымъ увлеченіемъ искусствомъ, поэзіей, наукой и философіей древнихъ: начинаютъ собирать и изучать классиковъ, учатся греческому языку и пытаются писать по-латыни цicerоновскимъ слогомъ, проникаются античными идеями и стремятся во всемъ подражать древнему міру. Мысль встрепенулась отъ этого толчка и, овладѣвъ наслѣдіемъ древности, быстро пошла впередъ по тому пути, который проложенъ былъ сначала классическими народами. Таково значеніе XV и XVI вв. въ европейской исторіи, когда въ основу образованности положено было художественное и умственное наслѣдіе древняго міра. Во всѣхъ сферахъ мысли и жизни произошло обновленіе подъ вліяніемъ этого *Возрожденія*, но, шествуя потомъ по самостоя-

тельными путями, европейская мысль постоянно продолжала искать въ древности для себя образцовъ: въ XVII в., напр., у классиковъ старались найти правила для поэзіи и стиля, въ XVIII в., во времена Руссо и великой французской революціи, немалую роль играли античныя преданія въ вопросахъ социальныхъ и политическихъ. Часто доходили эти увлеченія до крайности, доводя подражаніе древнимъ до мелочнаго, до смѣшнаго, сбивая съ толку и затемняя пониманіе окружающей дѣйствительности, но это показываетъ только силу вліянія, а разнообразіе относящихся сюда явленій свидѣтельствуешь только о томъ, что, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, античная цивилизація постоянно и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ вливалась въ составъ цивилизаціи европейской.

I.

Географическія и этнографическія условія.

Если вы найдете въ любомъ историческомъ атласѣ карту, изображающую Римскую имперію въ наибольшихъ достигнутыхъ ею предѣлахъ при императорѣ Траянѣ (98 — 117 по Р. Х.), то увидите, что имперія эта лежала вокругъ Средиземнаго моря, приблизительно между 10° и 60° восточной долготы и между 30° и 50° сѣверной широты: внѣ этихъ предѣловъ были сравнительно незначительные отрѣзки самыхъ отдаленныхъ отъ центра провинцій. Таковы были границы, въ которыхъ къ концу древней исторіи распространялось культурное вліяніе грековъ и римлянъ. Въ центрѣ этой территоріи, въ средней части Средиземнаго моря лежали два полуострова, находившіеся во главѣ и впереди всей остальной массы земель: въ Италіи Римъ былъ въ такомъ же разстояніи отъ западной границы имперіи, въ какомъ самый замѣчательный городъ Греціи — Аѣины находился отъ границы восточной; по отношенію къ широтѣ оба эти города были одинаково отдалены отъ сѣверной и южной границъ имперіи. Далѣе, вы увидите, что линія между восточной и западной частями имперіи, шедшая по 37° в. долготы, дѣлила имперію на двѣ равныя половины: восточная, въ которой господствовалъ элементъ

греческій, состояла изъ такихъ странъ, цивилизація которыхъ имѣла большую древность, нежели греческая, потому что здѣсь находились Египетъ, Палестина, Финикія и страны другихъ народовъ юго-западной Азіи; здѣсь греческая культура стала распространяться со времени образования обширной монархіи Александра Македонскаго; западная часть Средиземнаго моря была, наоборотъ, окружена странами, изъ которыхъ только одна карфагенская область могла поспорить съ Римомъ по древности своей культуры: все остальные зажили исторической жизнью только послѣ того, какъ подчинились римскому влиянію. Центральное положеніе Греціи и Италіи на Средиземномъ морѣ имѣло весьма важное значеніе въ судьбахъ населявшихъ ихъ народовъ, а указанное раздѣленіе бассейна Средиземнаго моря было одною изъ причинъ того, что греки ранѣе римлянъ выступили на поприще исторіи: во-первыхъ, Греція находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ образованнымъ Востокомъ; во-вторыхъ, сношеніямъ съ Востокомъ содѣйствовало здѣсь то обстоятельство, что именно восточный берегъ греческаго полуострова представляетъ изъ себя самую развитую береговую линію съ множествомъ заливовъ и удобныхъ гаваней, а далѣе на востокъ разбросаны по морю острова, сближавшіе этотъ восточный берегъ съ берегами Азіи. Эта же восточная часть полуострова и въ другихъ отношеніяхъ представляла изъ себя наиболее выгодныя условія для ранняго развитія культурной жизни. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Италіи, въ которой именно западный берегъ, обращенный къ малокультурнымъ странамъ, гораздо развитѣе восточнаго, прилегающаго къ бурному Адриатическому морю, совершенно лишенному удобныхъ гаваней. По малому количеству окружающихъ острововъ, Италія также не можетъ идти въ сравненіе съ Греціей. Поэтому, первая не могла войти такъ скоро въ сообщеніе съ Востокомъ, который у грековъ былъ, такъ сказать, подъ рукою: съ Малейскаго мыса на югъ Пелопоннеса видны вершины острова Крита, съ Крита—горы Родоса, съ Родоса—Малая Азія; два дня

пути отдѣляютъ Критъ отъ Кирены въ Африкѣ, однимъ днемъ больше измѣряется разстояніе до Египта; въ Эгейскомъ морѣ острова лежатъ, какъ камни, по которымъ можно перейти черезъ рѣку въ мелкомъ мѣстѣ. Море, доступное для мирныхъ путешественниковъ и неудобное для передвиженія громадныхъ армій, защищало Грецію и Италію со стороны береговъ, и классическимъ народамъ нечего было вѣчно бояться вторженія съ этой стороны какихъ-либо варварскихъ ордъ, игравшихъ немаловажную роль въ исторіи Востока: сколько разъ, напр., приходилось Египту ограждать себя отъ вторженія варваровъ изъ Аравіи, Эіопіи, Либіи! Грекамъ и римлянамъ нечего было строить такія крѣпости на границахъ, къ какимъ прибѣгали египтяне: тамъ, гдѣ не защищало море, защищали горы на сѣверѣ обоихъ полуострововъ. Безъ этихъ естественныхъ укрѣпленій немислимо было бы существованіе множества мелкихъ, самостоятельныхъ и разбѣденныхъ между собою государствъ Греціи и столь быстрое развитіе ихъ культуры.

Устройство поверхности обоихъ полуострововъ, особенно греческаго, было столь же благопріятно для культурной жизни. На маломъ пространствѣ какихъ-нибудь полуторы тысячи квадратныхъ миль Греція представляетъ изъ себя страшное разнообразіе. На сѣверѣ отъ Эгейскаго моря климатъ напоминаетъ среднюю Германію, въ Фессаліи уже вѣчно зеленые деревья, градусомъ южнѣе произрастаютъ оливковыя деревья, на островѣ Эвбеѣ и въ Аттікѣ попадаетъ уже пальма, въ Арголідѣ цѣлые лѣса лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, на Критѣ финиковая пальма Африки. Во всехъ направленіяхъ пересекаютъ Грецію горы, которыя разнообразятъ мѣстность и дѣлятъ полуостровъ на несхожіе между собой кантоны: въ Аттікѣ почва была плохого качества, въ сосѣдней Беотіи, наоборотъ, почва весьма жирная; въ то время, какъ въ приморскихъ частяхъ восточной части полуострова была развита цивилизація, на западѣ, напр., въ Этолій жители еще во времена римскаго завоеванія находи-

лись въ варварскомъ состояніи. Это отразилось и на рѣзкомъ различіи въ характерѣ двухъ главныхъ племенъ Греціи, іонянъ и дорянъ. Въ Италіи разнообразіе было меньшее, но и здѣсь, напр., пашнямъ западной части соотвѣтствовали богатая пастбища восточной. За то въ Италіи и легче было образованіе одного государства при отсутствіи той замкнутости отдѣльныхъ областей и различія въ племенномъ характерѣ ихъ жителей, которыя характеризуютъ древнюю Грецію. Въ остальномъ природа также щедро надѣлила оба полуострова: сами древніе понимали, что климатъ ихъ страны — особый даръ боговъ. «Воздухъ у насъ», говорилъ Эврипидъ, «легкій и нѣжный: зимній холодъ совсѣмъ не суровъ, и насъ не ранятъ стрѣлы Феба». Климатъ не заставлялъ грека и римлянина строить себѣ жилища съ толстыми стѣнами, чтобы предохранять себя отъ холода и жара; человѣкъ цѣлый день могъ проводить на воздухѣ, не закупориваясь въ нагретую комнату и не изнемогая отъ палящихъ лучей солнца, подобно жителю Индіи. Мягкая атмосфера дѣлала для него почти излишнюю чрезмѣрную заботу объ одеждѣ и пищѣ, исключала для него необходимость прибѣгать къ неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, постоянно поддерживала въ немъ бодрость духа и тѣла, жажду кипучей дѣятельности и удовольствій. Съ другой стороны, общій видъ страны, вся природа не представляли изъ себя ничего ужасающаго воображеніе младенческаго ума. Здѣсь нѣтъ ни высокихъ горъ, ни большихъ рѣкъ, ни дремучихъ лѣсовъ, ни безбрежныхъ равнинъ и степей, и самое море, заключенное въ извилистыхъ берегахъ и усѣянное островами, напоминаетъ собою скорѣе смѣющееся озеро, чѣмъ грозный океанъ. Нѣтъ здѣсь также животныхъ и растительныхъ чудовищъ тропической природы. Воздухъ необыкновенно прозраченъ, и пейзажъ способенъ только воспитывать эстетическое чувство, которое было такъ тонко развито въ древнемъ грекѣ. Все это имѣло необыкновенное вліяніе на міросозерцаніе, на весь складъ ума древняго грека: окружающая природа, весь внѣшній міръ не по-

давливали, не удручали его; ему чуждо было чувство чего-то грандіознаго, которое характеризуетъ всѣ религіи Востока, и въ равновѣсіи своихъ духовныхъ способностей онъ не зналъ ни религіознаго ужаса, ни необходимости снискивать себѣ милость грознаго Божества мистическимъ самосозерцаніемъ и аскетическимъ умерщвленіемъ своей плоти. Греки были одного происхожденія съ древними индусами, а между тѣмъ, какая громадная разница замѣчается между ними подъ вліяніемъ природы заселенныхъ ими странъ. Индусская литература есть по преимуществу литература болѣзненнаго воображенія, направленнаго на все ужасное, грандіозное, подавляющее умъ: индусъ громоздитъ чудеса на чудеса, и герои его сказавіи живутъ по сотнямъ тысячъ и милліонамъ лѣтъ. Грозная природа Индіи съ ея горами, достигающими до небесъ, съ ея могучими рѣками, съ дремучими лѣсами, населенными страшными и опасными звѣрями, съ приводящими въ трепетъ грозами и бурями, ураганами и землетрясеніями, постоянно потрясала умъ поселившагося въ Индіи человѣка, и онъ дѣлался неспособнымъ видѣть въ грозныхъ силахъ природы естественныя явленія, которыя можно изучать и которыми до извѣстной степени можно управлять. Поразительнѣе всего сказалось это вліяніе природы на индусской міѳологіи, бывшей одного происхожденія съ греческой. Индусъ соединялъ всегда въ своемъ воображеніи самые страшные образы съ самыми уважаемыми богами: его боги — какія-то чудовища, то опоясанныя змѣями, то украшенные ожерельями изъ человѣческихъ костей; у боговъ этихъ по нѣскольку головъ, по три глаза, по четыре и болѣе рукъ; ихъ атрибуты — орудія смерти и черепа замученныхъ жертвъ, тогда какъ грекъ воспроизводитъ въ своихъ богахъ идеальную человѣческую красоту. Въ греческой міѳологіи боги дѣйствуютъ какъ обыкновенные люди съ человѣческими страстями и склонностями; наоборотъ, индусская міѳологія полна рассказовъ о самыхъ необыкновенныхъ подвигахъ боговъ, превышающихъ силы самаго необыкновеннаго человѣка.

Мы намѣтили только самыя общія условія быстрого и блестящаго развитія античной цивилизаціи, которыя опредѣляются положеніемъ Греціи и Италіи на земномъ шарѣ, устройствомъ и общимъ видомъ обѣихъ странъ, климатомъ и почвой. Здѣсь, на двухъ южныхъ полуостровахъ Европы соединились вмѣстѣ всѣ благоприятныя условія для ранняго начала и блестящаго развитія исторической жизни. Къ нимъ нужно присоединить еще одно, которое заключается въ принадлежности грековъ и итальянцевъ къ самой способной расѣ, къ расѣ арійской или индоевропейской. Она позднѣе другихъ выступила на историческое поприще, но ни одна другая не играла и не играетъ теперь такой роли въ исторіи цивилизаціи, какъ именно она. Ею преимущественно населена Европа, гдѣ арійцы и развернули всѣ свои способности. Греки и римляне по своему происхожденію родня индусамъ и иранцамъ въ Азіи, кельтамъ, германцамъ, литовцамъ и славянамъ въ Европѣ, что доказано сравнительнымъ изученіемъ языковъ, въѣрованій и первобытныхъ учреждений этихъ народовъ. Но, находясь въ общемъ родствѣ съ другими арійскими племенами, древніе жители двухъ южныхъ полуострововъ Европы еще тѣснѣе были связаны между собою: было время, когда они составляли одно племя, одинъ народъ, раздѣлившійся на два уже послѣ выдѣленія своего изъ общей индоевропейской семьи. Наибольшее сходство наблюдается между языками эллиновъ и итальянцевъ; извѣстно и специальное родство греческой и римской мифологіи, которыя представляютъ много общихъ чертъ и ясно указываютъ на существованіе одной мифологіи у предковъ грековъ и римлянъ, составлявшихъ прежде одно греко-италійское племя. Масса одинаковыхъ словъ, относящихся къ земледѣлію и садоводству, указываетъ на то, что раздѣленіе племени произошло уже послѣ перехода его отъ пастушеской жизни къ жизни земледѣльческой. Устройство греческаго дома, какъ оно описано у Гомера, въ существенныхъ чертахъ своихъ осталось то же въ Италіи. Одежда древнихъ грековъ и италійцевъ въ общемъ одинакова: туника

вполнѣ соответствуетъ греческому хитону, а того есть лишь просторный гиматіонъ. Главное оружіе того времени конь (dague, λόγχη) также сходно у обѣихъ народовъ, какъ, быть можетъ, наслѣдіе греко-италійской эпохи. Наконецъ, оба народа имѣли первоначально очень схожія между собою учрежденія, руководились одними и тѣми же началами общественной жизни и въ дальнѣйшей своей исторіи представили немало аналогій, такъ что дѣлается совершенно возможнымъ сравнительное изученіе ихъ быта^{*)}. Священный очагъ, на которомъ постоянно поддерживался огонь, былъ средоточіемъ какъ греческаго, такъ и римскаго дома, главнымъ жертвенникомъ семейной религіи: одни его олицетворяли подъ именемъ Гестіи (Ἑστία), другіе подъ именемъ Весты (Vesta). И у грековъ, и у римлянъ былъ культъ мертвыхъ предковъ, который обозначался словами πατρίαιον и parentare. Брачные обряды обѣихъ народовъ указываютъ на общее происхожденіе и на одинаковый взглядъ на природу семейнаго союза. Многіе законы семейнаго права, одни и тѣ же въ Греціи и Италіи. Родовое устройство въ древнемъ періодѣ исторіи обѣихъ странъ (γένος, gens) представляетъ множество поразительныхъ аналогій, объясняющихся общимъ происхожденіемъ. Въ своемъ мѣстѣ намъ подробнѣе придется остановиться на этомъ предметѣ, говоря объ общественномъ устройствѣ классическихъ народовъ и въ частности о той формѣ политическаго быта, которая особенно характеризуетъ античный міръ: я имѣю въ виду гражданскую общину, которая называлась у грековъ πολιτεία, civitas у римлянъ.

Эта общность происхожденія грековъ и римлянъ, эта общность ихъ соціальнаго быта имѣетъ для насъ громадное значеніе. Съ одной стороны, она объясняетъ намъ ту легкость, съ которою все выработанное въ Греціи прививалось на почвѣ Рима, и то смѣшеніе эллинской и италійской культуры, которое мы замечаемъ съ той поры, когда оба народа классической древности

^{*)} Указываемъ въ последнемъ отношеніи на соч. Фюстель де-Куланжа: Гражданская община античнаго міра (La cité antique).

вступили между собою во взаимодействие, плодомъ чего была, такъ сказать, общая цивилизація греко-римская послѣднихъ временъ имперіи. Съ другой, это позволяетъ намъ разсматривать исторію обѣихъ странъ въ нѣкоторой внутренней связи и видѣть въ жизни Эллады и Рима какъ-бы только различныя стороны одного процесса, ибо въ основѣ обѣихъ исторій лежатъ общія начала, видоизмѣнявшіяся подѣ влияніемъ разныхъ условій, въ которыя были поставлены судьбою двѣ родственныя вѣтви одного и того же племени. Въ извѣстной степени между греками и римлянами были такіе же пункты сходства и различія, какія мы наблюдаемъ въ Греціи между двумя первенствующими ея племенами, т.-е. іонянами и дорянами, представительницами которыхъ были Аѣины и Спарта. Понятное дѣло, что въ предѣлахъ одного народа связь была болѣе тѣсная, пунктовъ сходства болѣе, но это не мѣшало каждому племени выработать характеръ, совершенно отличный отъ характера другого. Консервативно-аристократическіе доряне съ своимъ центромъ въ Спартѣ представляютъ изъ себя рѣзкую противоположность съ прогрессивно-демократическими іонянами, имѣвшими свой центръ въ Аѣинахъ, что, однако, не препятствуетъ намъ говорить о грекахъ вообще и вообще о греческой исторіи, поскольку іоняне и доряне принадлежали къ одному народу, находились между собою въ постоянномъ взаимодействіи и развивали каждый на свой ладъ общія основы древне-греческаго быта. Конечно, раздѣленіе эллино-италійцевъ на грековъ и римлянъ произошло ранѣе, чѣмъ образование различія между іонянами и дорянами; конечно, между народами Эллады и Апеннинскаго полуострова не существовало такого близкаго сосѣдства, какъ между Аѣинами и Спартой, и взаимодействие между ними, начавшееся въ сравнительно позднюю эпоху, затруднялось въ послѣдствіи неодинаковостью языка, — тѣмъ не менѣе вопросъ касается здѣсь количества, а не качества: между греками и римлянами только больше пунктовъ сродства, нежели между іонянами и дорянами, а основы ихъ бы-

та одинъ и тѣ же. Подобно тому, какъ въ греческой исторіи іоняне и доряне, развившіе въ себѣ разные стороны національнаго характера, такъ сказать, дополняли другъ друга, и въ общей исторіи античнаго міра греки и римляне, выступая въ совершенно различныхъ роляхъ, были дополненіемъ одни другихъ. Это были два брата, рано разлученные, но сохранившіе много общаго въ своихъ воспоминаніяхъ, въ своихъ привычкахъ, въ своемъ образѣ жизни и т. д., и только отличавшіеся одинъ отъ другого по характеру, вслѣдствіе различныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, подѣ влияніемъ которыхъ имъ пришлось жить. Въ послѣдствіи они встрѣтились, узнали другъ друга, стали жить вмѣстѣ, дѣлясь своими мыслями и своимъ опытомъ, но каждый изъ нихъ остался вѣренъ до конца дней своихъ выработанному характеру, пока одни и тѣ же зародыши смертельной болѣзни и одинъ и тѣ же внѣшнія причины не свели ихъ обоихъ въ могилу. Словомъ, контрасты, наблюдаемые нами между двумя античными народами, скрываютъ подѣ собою общій фонъ, объединяющій ихъ исторію въ одно цѣлое. Двѣ культуры, имѣющія общій корень, стали смѣшиваться въ одну, которая въ разныхъ пропорціяхъ по отношенію къ своимъ элементамъ распространилась въ концѣ концовъ по всѣмъ странамъ, окружающимъ Средиземное море: въ сферѣ преимущественнаго вліянія эллинизма оставался всегда Востокъ, романизация же дѣлала наибольшіе успѣхи на Западѣ. Намъ и предстоитъ теперь заняться сравнительной характеристикой обоихъ античныхъ народовъ.

II.

Сравнительная характеристика грековъ и римлянъ.

Антитеза — довольно обычный у историковъ приѣмъ, когда они дѣлаютъ характеристику какой-либо расы или національности: такъ, арійцы очень часто сопоставляются съ семитами.

КАРЬЕВЪ, ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Шахтинского Педагогического Института

БИБЛИОТЕКА
Шахтинского Педагогического Института
УЧЕБНАЯ
КНИГА
20779

греки характеризуются рядомъ съ римлянами, іоняне — рядомъ съ дорянами, романскіе или славянскіе народы — рядомъ съ германскими, причемъ двѣ сравниваемые расы или національности представляютъ изъ себя какъ бы два полюса, являются какъ бы воплощеніемъ двухъ противоположныхъ началъ. Такимъ приемомъ нерѣдко даже злоупотребляютъ, ради симметріи построения всей антитезы, но въ извѣстныхъ случаяхъ этотъ способъ немало содѣйствуетъ правильному пониманію характера отдѣльных народовъ и роли ихъ въ исторіи. Мы и примѣнимъ его къ нашему случаю, тѣмъ болѣе, что намъ именно нужно отмѣтить различіе, существовавшее между культурой грека и римлянина.

Есть небольшое произведеніе Майкова, подъ названіемъ «Іафетъ». Въ немъ библейскій патріархъ, благословляя своихъ внуковъ, отъ которыхъ должны произойти европейскіе народы, изрекаетъ такое пророчество двумъ братьямъ, ставшимъ родоначальниками грековъ и римлянъ.

«Ты,—говоритъ онъ будущему прародителю грековъ,—

Ты, чернокудрое дитя,
Иди на Западъ! Тамъ, гдѣ море
Покрыто грудой острововъ,
Есть пышный край. Тамъ на просторѣ
Разрѣсся лавръ. Въ груди холмовъ
Таится мраморъ. Мѣткимъ ломомъ
Отъ праха мраморъ оторви
*И мысли молніи и громомъ
Его ты къ жизни призови»...*

Другому внуку патріархъ предрекаетъ иное:

«А ты, младенецъ съ строгимъ окомъ
И величавостью чела,
Суровый духомъ передъ рокомъ,—
Тебѣ вѣковъ грядущихъ мгла
Готовитъ власть надъ цѣлымъ міромъ,

*И будешь ты племенъ кумиромъ,
И, какъ рабы, они толпой
Пойдутъ въ оковы за тобой».*

Съ этой поэтической характеристикой грековъ и римлянъ мы можемъ сопоставить одно мѣсто изъ виргиліевой Энеиды, гдѣ проводится подобная же параллель между двумя народами античнаго міра:

«Excurrent alii spirantia mollius aera—
Credo equidem—vivos ducent de marmore vultus,
Orabunt causas melius coelique meatus
Describent radio et surgentia sidera dicent.
Tu regere imperio populos, Romane, memento!
Haec tibi erunt artes: pacisque imponere morem,
Parcere subjectis et debellare superbos».

«Другіе,—говоритъ поэтъ о грекахъ,—съумѣютъ, пожалуй, мягче выковать дышащую жизнью мѣдь, лучше изваять изъ мрамора одушевленные лики, съумѣютъ краснѣе говорить въ судахъ, точнѣе измѣрить пути небесные и предсказать восходъ любого свѣтила: ты, римлянинъ, помышляй о державной власти надъ народами. Твое искусство будетъ въ томъ, чтобы водворять вездѣ законъ мира, щадя покорныхъ и оружіемъ низлагая строптивыхъ». Такъ уже въ древности понимали различіе между національнымъ геніемъ грековъ и римлянъ: преобладающей чертой первыхъ является *творчество въ сферѣ художества и поэзіи, науки и философіи*, преобладающею чертою другихъ— *творчество въ области практической жизни и государственнаго строительства*. Грекъ, такъ сказать, олицетворяетъ собой теоретическій умъ, римлянинъ—практическую волю. Греція выработала искусство и философію, въ которыхъ римляне всегда были учениками старшихъ своихъ братьевъ и никогда не могли достигнуть до той высоты, на какой стояли послѣдніе; въ Италіи не было такого великаго скульптора, какъ

Фидій; Виргилій ниже Гомера, взятого имъ за образецъ для подражанія; Плиній не можетъ идти въ сравненіе съ Аристотелемъ; Платонъ и Демосѣенъ оставляютъ позади себя Цицерона; за то римляне въ области права превзошли своихъ учителей по части искусства и философіи, такъ что, по словамъ Цицерона, греческіе законы въ сравненіи съ римскими представляютъ изъ себя нѣчто младенческое и смѣшное; искусство съумѣли они направить на служеніе утилитарнымъ цѣлямъ и особенно развили у себя архитектуру, а изъ ученій греческой философіи преимущественно привились у нихъ тѣ ея направленія, которыя имѣютъ практическое значеніе, т.-е. различныя моральныя системы, въ особенности стоицизмъ и эпикуреизмъ. Словомъ, грекъ и римлянинъ — это антитезы идеализма и реализма, стремленія къ истинѣ и красотѣ и стремленія къ пользѣ и пригодности, теоретической мысли и практической дѣятельности, вдохновенія и разсудочности, поэзіи и прозы, религіи, какъ міросозерцанія, и религіи, какъ государственнаго установленія. Интересно также посмотрѣть, въ чемъ каждый изъ обоихъ народовъ видѣлъ свое преимущество передъ другими, съ чѣмъ отождествлялъ главный признакъ своей національности. Грекъ именно полагалъ свою сущность въ образованности: *эллинъ* и *образованный* были почти синонимами, и тотъ, кто не имѣлъ этого образованія, былъ *варваръ* (*βάρβαρος*): такое имя давали греки всѣмъ остальнымъ народамъ. Римлянинъ, напротивъ, былъ гордъ своимъ гражданствомъ, онъ былъ *cives*, т.-е. одинъ пользовался гражданскимъ правомъ Рима, изъ котораго были исключены всѣ остальные народы: того, кого греки звали варваромъ, т.-е. человекомъ, не имѣющимъ эллинскаго образованія, въ Римѣ называли *peregrinus*, и перегрины отличались отъ гражданъ тѣмъ, что на нихъ не распространялось римское право. Отношеніе между эллиномъ и варваромъ такимъ образомъ то же, что между гражданиномъ и перегриномъ, только въ основѣ различія лежали разные принципы. Вошедши въ дѣятельныя сношенія съ иноплеменниками,

греки и римляне заимствовали отъ нихъ различныя вещи, каждый сообразно съ свойствами своей духовной природы: объединяющая мысль первыхъ создала въ Александріи изъ смѣшенія философскихъ системъ Греціи съ теологическими воззрѣніями Востока особую философскую систему, которая какъ бы должна была дать общее міросозерцаніе всѣмъ народамъ, входившимъ въ кругъ эллинскаго вліянія; въ pendant къ ней римляне изъ знакомства съ обычаями покоренныхъ ими народовъ создали такъ называемое общенародное право (*jus gentium*), которое должно было объединить въ юридическомъ отношеніи всѣ народы, вошедшіе въ составъ Римской имперіи. Грекамъ не удалось, подобно римлянамъ, подчинить себѣ политически другія земли: эллинизация Востока совершалась, главнымъ образомъ, въ силу превосходства греческой цивилизациі надъ восточной; Римъ утверждалъ свое господство силою меча и мудростью своихъ законовъ, и романизация Запада была результатомъ политическаго подчиненія Риму и умѣнія римлянъ связывать интересы побѣжденных съ интересами побѣдителей. Слѣдовательно, по отношенію къ другимъ народамъ грекъ былъ наставникъ и просвѣтитель, римлянинъ — господинъ и организаторъ. — Вотъ почему такъ неодинаково и само наслѣдство, оставленное намъ обоими классическими народами: въ искусствѣ, въ поэзіи, въ наукѣ, въ философіи новые народы — ученики грековъ, и Европа особенно двинулась впередъ въ эпоху Возрожденія, когда люди, изучавшіе классическую древность, замѣтили недостаточность однихъ латинскихъ ея источниковъ и обратились къ греческимъ писателямъ, какъ къ главнымъ носителямъ древней образованности; но въ политикѣ и наукѣ права эти народы — ученики римлянъ, такъ что до сихъ поръ еще однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ юридическаго преподаванія является римское право. Все остальное въ Римѣ развилось послѣ знакомства съ греками и подъ вліяніемъ этого знакомства, но право тамъ было самобытно, оно зародилось и развилось на національной почвѣ еще до на-

чала греческаго вліянія: когда стало дѣйствовать послѣднее, въ Римѣ уже были положены прочныя основы для дальнѣйшаго правоваго развитія. Поэтому и въ той объединяющей разныя народы работѣ, которую совершили, какъ увидимъ, классическіе народы, роль ихъ была неодинакова: эллинизация Востока, проникновеніе эллинскимъ элементомъ римской культуры, были распространеніемъ образованности, уничтоженіемъ стараго различія между культурнымъ человѣкомъ и варваромъ, тогда какъ романизация Запада и распространеніе римскаго владычества на множество странъ древняго міра вели въ концѣ концовъ къ уничтоженію юридическаго различія между отдѣльными націями, къ превращенію всевозможныхъ peregrini въ римскихъ гражданъ, равноправныхъ членовъ одного большаго отечества: они не были уже болѣе варварами и peregrini. Къ концу древней исторіи греческая цивилизация и римское государство объединили всѣ націи, жившія вокругъ Средиземнаго моря, и напр., самый видный дѣятель зарождавшагося христіанства, апостоль Павелъ, родомъ іудей, былъ эллиномъ по своему образованію и римскимъ гражданиномъ по своимъ правамъ.

И на склонѣ дней своихъ греки и римляне остались вѣрны своему характеру, такъ что въ эпоху утвержденія христіанства въ имперіи каждый народъ отнесся къ новой религіи по своему. Сначала христіанство было встрѣчено враждебно; языческое общество вступило съ нимъ въ борьбу, продолжавшуюся болѣе трехъ вѣковъ, но мотивы этой вражды были одни у грековъ и другіе у римлянъ: эллины, гордые своей образованностью, видѣли въ новомъ ученіи нѣчто опасное для этой образованности; главными защитниками падающаго язычества въ греческой половинѣ имперіи были риторы и философы; послѣднимъ императоромъ, вступившимъ въ борьбу съ христіанствомъ, былъ Юліанъ, прозванный Отступникомъ (361 — 363), который былъ, прежде всего, философъ, поклонникъ чистаго эллинизма. Причина вражды къ христіанству у римлянина была нѣсколько иная: онъ

чуялъ съ этой стороны бѣду для своего государства, онъ видѣлъ въ зарождавшейся церкви опасную въ политическомъ отношеніи организацію, онъ враждебно относился къ ученію, не хотѣвшему признавать его законовъ, и главными противниками христіанства со стороны римлянъ были императоры и жрецы, ревниво оберегавшіе свою власть и свое вліяніе на общество. Словомъ, тамъ, гдѣ теоретикъ грекъ видѣлъ заблужденіе, практическій римлянинъ усматривалъ нѣчто политически вредное. Но мало-по-малу христіанство одержало побѣду и сдѣлалось господствующею религіею имперіи. Изъ грековъ и римлянъ явились церковныя писатели, христіанскіе философы и дѣятели. Какъ ни глубоко былъ переворотъ, заключавшійся въ побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ, особенности характера грековъ и римлянъ языческой эпохи были унаслѣдованы и ихъ христіанскими потомками. Въ восточной половинѣ имперіи, гдѣ господствовалъ эллинскій элементъ, происходила теоретическая разработка догматовъ новой религіи, выработка христіанской отвлеченной философіи: отношеніе троичности ипостасей къ единству Божества, отношеніе божескаго существа къ человѣческому или божеской воли къ человѣческой въ Иисусѣ Христѣ и т. д. — таковы были главные вопросы, которые поставилъ себѣ греческій умъ; изъ-за различнаго пониманія этихъ вопросовъ происходила горячая полемика, возникали ереси арианъ, монофизитовъ, моноелитовъ и т. д.; всѣ великіе соборы, рѣшавшіе догматическіе вопросы христіанства, собирались на востокѣ имперіи; богословская литература грековъ приняла обширныя размѣры, и во время спора западнаго духовенства съ восточнымъ, который повелъ къ раздѣленію вселенской церкви, первое упрекало послѣднее въ томъ, что нигдѣ не было столько ересей, какъ среди грековъ. Такимъ образомъ вы видите, что и по отношенію къ христіанству эллинскій умъ остался вѣренъ самому себѣ: это умъ мыслителя, философа, теоретика, который любитъ отвлеченное знаніе ради чистой истины, и которому нравится строить системы ради выра-

ботки общихъ взглядовъ и стройнаго міросозерцанія. И римскій геній остался также вѣренъ себѣ: западная половина имперіи мало принимала участія въ теологическихъ спорахъ восточной, здѣсь разрѣшались вопросы болѣе практическіе, вырабатывались церковная мораль и дисциплина, опредѣлялось отношеніе церкви къ государству, а когда явилась потребность кодифицировать церковные законы, римское же право послужило образцомъ для этой кодификаціи (*jus saepius*). Интересно также, что созерцательное монашество появилось впервые на востокѣ имперіи; въ западной половинѣ его встрѣтили крайне враждебно, и само оно приняло здѣсь болѣе практическій характеръ: монахи сдѣлались пионерами цивилизаціи у германскихъ варваровъ и колонизаторами мало заселенныхъ мѣстностей.

Такъ проходятъ основныя черты характера классическихъ народовъ черезъ всю ихъ исторію. Этими чертами опредѣляется и ихъ всемірно-историческая роль, какъ объединителей древняго міра подъ господствомъ одной образованности и властью одного закона, и ихъ роль, какъ наставниковъ новой Европы въ художествѣ, наукѣ, философіи, правѣ и политикѣ.

Греція родилась и умерла раздѣленной: у грековъ не было тѣхъ свойствъ характера, той практичности въ поведеніи, которыя позволили римлянину создать прочное государство и подчинить ему такую массу самыхъ разнородныхъ земель. Греки — въ вѣчной ссорѣ между собою, и даже когда Дарій и Ксерксъ вторгаются въ ихъ страну, между ними нѣтъ единодушія. Когда Александръ Македонскій соединяетъ ихъ силою для завоеванія Азіи, лакедемоняне держатъ себя въ сторонѣ. Ни одному городу не удастся установить прочно свою гегемонію надъ всѣми греками, подобно тому, какъ Римъ достигъ этого надъ италійскими племенами: попытки Спарты, Аѣинъ, Фивъ не удаются, и побѣжденные скорѣе пойдутъ искать помощи у персовъ, чѣмъ согласятся на подчиненіе какому-либо греческому же городу. Грека не хватило на созданіе большого государства; величайшіе мы-

слители Эллады, Платонъ и Аристотель, низводятъ число гражданъ государства до 5—10 тысячъ свободныхъ людей; въ Аѣинахъ было 20 тысячъ гражданъ: болѣе этого, по ихъ мнѣнію, значило бы жить какимъ-то безформеннымъ стадомъ. Грекъ не былъ способенъ, подобно римлянину, подчиняться какому-либо обширному единству, считать своимъ отечествомъ нѣчто болѣе, чѣмъ родной городъ съ его окрестными деревнями. Внутри каждаго города вѣчный раздоръ партій: греки не умѣли устраивать между ними такого компромисса, который римлянинъ съ своимъ практическимъ складомъ ума находилъ для примиренія враждебныхъ элементовъ патриціевъ и плебеевъ. Ихъ честолюбіе не имѣло столь обширныхъ размѣровъ, какъ римское: они не мечтали о власти надъ міромъ; Спарта довольствовалась болѣею частью гегемоніей въ одномъ Пелопоннесѣ; величайшій государственный мужъ Аѣинъ Периклъ ограничивался въ своихъ мечтаніяхъ устройствомъ аѣинской гегемоніи надъ однимъ эллинскимъ міромъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ соплеменникамъ и варварамъ греки были исключительно римлянъ; въ варварахъ они видѣли людей низшей породы и не могли допустить равноправности между собою и ими. Сами греки, писавшіе римскую исторію, удивляются въ этомъ отношеніи гражданамъ вѣчнаго города. Похвала Риму изъ устъ Діодора Сицилійскаго, Полибія, Діонисія Галикарнасскаго, Плутарха, похвала побѣжденных побѣдителямъ есть, въ сущности, признаніе грековъ въ томъ, что римляне были менѣе исключительны, нежели они. Другіе изъ этихъ писателей отмѣтили ту черту характера римлянъ, которая позволяла имъ заимствовать полезныя учрежденія у другихъ народовъ. Поэтому, во взаимодѣйствіи между греками и римлянами вліяніе первыхъ на послѣднихъ было больше, нежели обратное. Очень вѣрно оцѣнили римскіе писатели историческую роль эллинской расы, говоря, что она цивилизовала народы, смягчая ихъ нравы и дѣлая ихъ человѣчнѣе; съ своей стороны, при первомъ столкновеніи съ Римомъ греки

выразили удивленіе характеру его гражданъ: демосѣеновъ ученикъ Кинеасъ, сопровождавшій эпирскаго царя Пирра въ его походъ въ Италію, сравнилъ римскій сенатъ съ «собраніемъ царей». Когда римляне завладѣли Греціей, они сами должны были сознаться, что побѣжденные духовно ихъ побѣдили, и выраженіемъ этого могутъ служить извѣстные слова Горация:

*Graecia capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio.*

Но, получивъ греческую образованность, Римъ своими завоеваніями распространилъ ее тамъ, гдѣ не было непосредственнаго вліянія грековъ.

Таковы основныя черты эллинизма и римлянства во всемирной исторіи. Жизнь классическихъ народовъ имѣетъ не одномѣстное значеніе, а выходитъ изъ тѣсныхъ предѣловъ Эллады и Италіи, чтобы играть видную роль въ судьбахъ значительной части человѣчества. На эту послѣднюю роль классическихъ народовъ мы должны обращать особенное вниманіе: сравненіе основныхъ чертъ ихъ національных характеровъ можетъ намъ дать нѣкоторую общую точку зрѣнія, нѣкоторую руководящую мысль какъ при разсмотрѣніи явленій чисто мѣстнаго свойства, такъ и при изученіи того грандіознаго процесса, результатомъ котораго было объединеніе древняго міра, за исключеніемъ крайняго Востока, подъ властью римской имперіи и при помощи греческой цивилизаціи. Оба родственные, но столь различные народа были, такимъ образомъ, отцами европейской цивилизаціи, весьма отличной, какъ мы сейчасъ увидимъ, отъ цивилизаціи азіатскаго Востока.

III.

Античный міръ и цивилизація Востока.

Цивилизація на Востокъ развилась гораздо ранѣе, нежели у классическихъ народовъ. Такъ начало египетской монархіи отно-

сятся къ 5702 г. до Р. Х. (Бѣкъ), 5004 (Маріеттъ), къ 4455 (Бругшъ) и къ 3893 (Лепсіусъ), т.-е. къ такой эпохѣ, когда въ Европѣ не только не было грековъ и римлянъ, но, можетъ быть, они еще не выдѣлились изъ общаго эллино-италійскаго племени. Начало халдейскаго царства относится за 3000 лѣтъ до Р. Х. Между 1400 и 1300 гг. возвышается Ассирійское царство. Финикійскій Тиръ процвѣтаетъ уже за 1200 лѣтъ до нашей эры. За 1100 лѣтъ образовалось царство Еврейское и т. д. Къ эпохѣ выступленія грековъ совершилось на Востокѣ уже много крупныхъ переворотовъ. Понятно, что при той колонизаціи, которую за 1300—1200 лѣтъ до Р. Х. уже совершали финикияне по берегамъ Средиземнаго моря и, между прочимъ, на Архипелагѣ, при колонизаціи, начатой нѣсколько позднѣе греками на берегахъ Малой Азіи, при сосѣдствѣ, существовавшемъ между Элладой и Востокомъ, греки должны были сдѣлать большія заимствованія изъ культуры опередившихъ ихъ народовъ. Долгое время сохранялось у грековъ преданіе о разныхъ восточныхъ переселенцахъ, которые, пришедши въ ихъ страну, научили ихъ разнымъ ремесламъ, искусствамъ, торговлѣ и положили основаніе многимъ ихъ городамъ. Такимъ цивилизаторомъ Аттики былъ египтянинъ Кекропсъ; другой египтянинъ Данай былъ цивилизаторомъ Арголіды; финикиянинъ Кадмъ поселился въ Бѣотіи и научилъ жителей этой области искусству письма, умѣнію добывать руду и т. п.; названіе южной части Греціи Пелопоннесъ, т.-е. островъ Пелопса, происходитъ также отъ имени лидійскаго переселенца. Мифы объ этихъ эмигрантахъ сохранились отъ временъ доисторическихъ, но и въ историческую эпоху греки были убѣждены, что многія ихъ знанія и искусства заимствованы ими у азіатскихъ народовъ. Египетъ считался у нихъ колыбелью науки, и на умнѣйшихъ философовъ и законодателей Греціи, на Ликурга и Солона, на Пифагора и Платона, смотрѣли, какъ на послѣдователей египетскихъ ученыхъ. У финикиянъ эллины заимствовали азбучное письмо и многія полезныя свѣдѣнія: «если,—

говорить Страбонъ, — эллины выучились геометріи у египтянъ, то астрономія и ариѳметика перешли къ намъ несомнѣнно отъ финикійцевъ». Новѣйшія ученія изслѣдованія подтверждаютъ основательность такой вѣры античнаго міра въ восточное происхожденіе своей цивилизаціи.

Но то, что греки заимствовали у народовъ Египта и Азіи, были только зачатки, элементы цивилизаціи; дальнѣйшее развитіе было дѣломъ ихъ собственнаго генія: ихъ обучили азбукѣ другіе, писателями они сдѣлались сами; имъ показали первые приемы ариѳметическихъ вычисленій и геометрическихъ построеній, но математика была создана ими самими; такъ и во всемъ остальномъ. Они умѣли самобытно переработать все заимствованное и пойти далѣе своихъ учителей. Они обогнали ихъ и сами сдѣлались ихъ наставниками. Въ то время, какъ Востокъ пересталъ подвигаться впередъ и его цивилизація пришла въ упадокъ, оставивъ самые ничтожные слѣды, эллинизмъ широко распространился по древнему міру, такъ что ему обязаны и мы своею образованностью. Настоящая наука — дочь греческаго духа. Торгашъ финикійнинъ нуждался въ ариѳметическихъ правилахъ для своихъ торговыхъ счетовъ, землемѣръ и архитекторъ египтянинъ зналъ кое-какіе геометрическіе приемы, которые ему были нужны для его гигантскихъ сооружений и для опредѣленія границъ своего поля, ежегодно скрывавшагося подъ волнами нильскаго наводненія. Греку мало такой науки: Платонъ въ своемъ *Государствѣ* отмѣтилъ, какъ основную черту греческой расы, любопытство и страсть къ знанію. Грекъ хочетъ знать причину явленій. Когда Геродотъ спрашивалъ жителей Египта о причинахъ періодическихъ разливовъ Нила, то оказалось, что ни у жрецовъ, ни у свѣтскихъ людей не было никакой гипотезы для объясненія явленія, столь близко касавшагося жителей Египта; между тѣмъ, греки придумали три объясненія, и Геродотъ, разсматривая ихъ, даетъ четвертое отъ себя. За 600 лѣтъ до Р. Х. Ѳалесъ Милетскій занимался доказательствомъ теоремы о равенствѣ угловъ

равносторонняго трехугольника. Когда Пифагоръ доказалъ свою знаменитую теорему о квадратѣ гипотенузы, то, по преданію, принесъ богамъ въ жертву сто быковъ. Многія научныя открытія грековъ оставались долгое время безъ всякаго практическаго примѣненія: такъ ихъ изслѣдованія о свойствахъ коническихъ сѣченій были примѣнены только черезъ 17 вѣковъ, когда Кеплеръ искалъ законовъ движенія планетъ. Греку нравился самый процессъ мышленія, ему нравилось самое знаніе. Поэтому имъ были положены основы всѣхъ почти извѣстныхъ намъ наукъ. Цѣлый рядъ ученыхъ создала Греція въ математикѣ отъ Пифагора до Архимеда, въ астрономіи отъ Ѳалеса и Пифагора до Гиппарха и Птолемея, въ естествознаніи отъ Гиппократъ до Аристотеля и александрійскихъ анатомовъ въ исторіи отъ Геродота до Ѳукидида и Полибія, въ логикѣ, политикѣ, морали, эстетикѣ отъ Платона, Ксенофонта, Аристотеля, до стоиковъ и неоплатониковъ. Греческіе философы идутъ непрерывнымъ рядомъ черезъ цѣлое тысячелѣтіе отъ Ѳалеса до Прокла, перепробовавъ чуть не всѣ пути метафизическаго мышленія. Многія гениальныя догадки греческихъ мыслителей нерѣдко подтверждаются современной наукой: достаточно указать, напр., на ученіе атомистовъ.

Греки были первымъ народомъ на земномъ шарѣ, у котораго развилась *такая* наука, и въ этомъ отношеніи античная цивилизація превосходитъ восточную. То же можно сказать и о римскомъ элементѣ античной цивилизаціи. Римъ осуществилъ всемірную монархію, бывшую цѣлью политическихъ стремленій восточныхъ завоевателей. Не говоря уже объ обширныхъ завоеваніяхъ Египта при 18, 19 и 20 династіяхъ, мы имѣемъ въ исторіи Востока три страны, которыя прямо стремились къ покоренію міра: тутъ попеременно стояли во главѣ цѣлыхъ царствъ и народовъ Ассирія, Вавилонія и Персія, причемъ послѣдняя распространила свои предѣлы отъ 40° до 90° в. д. и отъ 25° до 45° с. ш., включивъ въ свой составъ Египетъ, Сирію съ Финикіей и Палестиной, Малую Азію и Арменію, Ассирію и Вавилонію и об-

ширные земли между Тигромъ и Индомъ съ запада на востокъ и между Каспійскимъ и Аральскимъ морями до Персидскаго залива съ сѣвера на югъ: цари персидскіе надѣялись, что у Персіи не будетъ другихъ границъ, кромѣ неба. Но монархіи эти были недолговѣчны. Ассирійская имперія продержалась на высотѣ своего могущества около вѣка (722—625); все могущество Вавилона выразилось въ одномъ царствованіи Навуходоносора, не продолжавшемся и полустолѣтія (604 — 561); болѣе долгое существованіе обезпечила судьба за Персіей: могущество ея началось около 560 г. и продержалось до 330 г., но до какой степени оно было непрочное, видно изъ того, что Александру Македонскому нужно было нѣсколько сраженій, чтобы положить конецъ имперіи Кира. Отличительная черта этихъ восточныхъ монархій—чисто механическое соединеніе разныхъ земель и націй. Величайшимъ организаторомъ персидской монархіи былъ Дарій Гистаспъ, но онъ не сумѣлъ создать такой системы, которая слила бы побѣжденных съ побѣдителями: данная имъ государству организація преслѣдовала однѣ административныя и финансовыя цѣли:—«Киръ,—говорили по этому поводу,—былъ отцомъ народа, Камбизъ—властелиномъ, Дарій же былъ просто кабатчикомъ, выжимавшимъ деньги изъ всякаго». Еще одна черта характеризуетъ большую часть восточныхъ завоевателей: это—именно то, что мы встрѣчаемъ потомъ у Атиллы и Тамерлана,—чисто безцѣльное разореніе и опустошеніе завоеванныхъ странъ. Ассирійскій царь Сеннахерибъ (705—681), напр., такъ говоритъ о себѣ: «Я пронесся, какъ опустошительный ураганъ.... я перевелъ въ свою страну Сузуба, царя Бабъ-Илу (Вавилона) съ его семействомъ.... я истребилъ городъ съ его дворцами, отъ крыши до основанія, и предалъ ихъ пламени; я срылъ его стѣны, разрушилъ алтари, храмы и всѣ кирпичныя постройки». Внуку его Ассурбанипалъ также хвастается разореніемъ Элама: «я призвалъ туда дикихъ звѣрей, змѣй, животныхъ пустыни и газелей». Одинъ изъ ассирійскихъ царей велѣлъ изобразить себя

выкалывающимъ глаза и рвущимъ губы побѣжденнымъ. Въ надписи Ассуръ-Назигирбала этотъ царь хвалится тѣмъ, что содралъ кожу съ возставшихъ жителей Судии и обиль стѣну этой кожей, другихъ замуравилъ въ стѣну, распиналъ на крестахъ и посадилъ на колья вдоль стѣны; въ довершеніе онъ велѣлъ сдѣлать вѣнцы изъ ихъ головъ и гирлянды изъ ихъ проколотыхъ тѣлъ. Далеко нельзя сказать, чтобы римляне въ своихъ завоеваніяхъ не совершали жестокостей и чтобы они не выжимали денегъ изъ покоренныхъ народовъ: было и то, и другое, но на этомъ дѣло не останавливалось, какъ въ великихъ монархіяхъ Востока. Ассиріане въ своихъ завоеваніяхъ имѣли одну цѣль—собираніе дани съ подвластныхъ народовъ; затѣмъ они оставляли имъ ихъ собственныхъ вождей, смѣняя ихъ своими правителями, если страна возмущалась, и въ этомъ случаѣ производилось новое опустошеніе, а часть населенія уводилась въ плѣнъ. Кромѣ того, они принуждали всѣхъ поклоняться ихъ богу Ассуру: «чтобы унижить враговъ страны Ассура,—говоритъ Сеннахерибъ,—я принудилъ моихъ противниковъ послѣдовать моей великой вѣрѣ». Но это насильственное обращеніе не было прочно и не связывало побѣдителей съ побѣжденными. Персы также облагали данью покоренныя страны, оставляя имъ національныя учрежденія, а иногда и національныхъ вождей. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Римѣ: тутъ отъ завоеванія оставались иные результаты. Народы низшей культуры романизировались, всѣ вообще мало-по-малу вошли въ составъ римскаго гражданства. Сила не оставалась силой, но переходила въ право, которое постепенно очищалось отъ грубыхъ элементовъ и переставало быть исключительнымъ, распространяясь постепенно на всѣ народы. Римская имперія была ассоціаціей разныхъ націй, а не безформеннымъ аггломератомъ. У передовыхъ людей открывались передъ глазами широкіе горизонты, и подъ господствомъ Рима, который изъ государства-господина превратился въ простую столицу имперіи,—воспиталось сознаніе братства народовъ и ра-

венства всѣхъ людей. Выходъ изъ національной исключительности, которая характеризуетъ жизнь древняго Востока, совершился только на почвѣ Европы подъ вліяніемъ завоеваній Рима, перерожденнаго греческой цивилизаціей.

На европейской почвѣ, въ гражданскихъ общинахъ Эллады и Италіи выросла и политическая свобода, взглядъ на государство, какъ на общее дѣло всѣхъ гражданъ: таковъ смыслъ латинскаго слова *respublica*. Народы Востока жили въ деспотіи. Египтяне поклонялись основателю своей монархіи Менесу, какъ божеству, и послѣ него цари называли себя сынами солнца: фараонъ былъ лицомъ безотвѣтственнымъ. Цари ассирійскіе считались также божественнаго происхожденія и пользовались неограниченною властью. Не иное было и политическое устройство Вавилона. Персидская монархія управлялась также деспотически. Въ понятіе, которое составилъ себѣ грекъ о варварахъ, входила не только культурная грубость, но и подчиненіе деспотическому правительству. «У варваровъ», говоритъ Аристотель, «нѣтъ никого, кто имѣлъ бы власть по самой природѣ; общество ихъ состоитъ изъ рабынь и рабовъ; поэтому выраженіе поэтовъ: *эллинамъ прилично властвовать надъ варварами* — нужно понимать въ томъ смыслѣ, что варваръ и рабъ по своей природѣ одно и то же». Въ Греціи и въ Римѣ государство устанавливаетъ не единая особа деспота и не божественная воля, какъ въ теократіяхъ, а вся совокупность гражданъ. Подъ вліяніемъ политической свободы на почвѣ Эллады и Италіи впервые развивается гражданское равенство свободныхъ людей. Въ браманской Индіи общество дѣлится на касты, имѣющія божественное происхожденіе: переходъ изъ одной касты въ другую невозможенъ. Греція и Римъ не знаютъ этого устройства, ибо здѣсь нѣтъ кастъ, пользующихся политическими привилегіями по праву рожденія, а зародыши ихъ скоро исчезаютъ въ демократическомъ равенствѣ; ибо здѣсь не развиваются отдѣльныя сословія воиновъ и жрецовъ, какъ въ Египтѣ; ибо здѣсь не развивается

наслѣдственное жречество, подобное тому, какое существовало у персовъ. Греція и Римъ не похожи на тѣ теократіи, въ коихъ господствовало отъ имени божества сословіе жрецовъ. Въ Индіи даже цари не могутъ исполнять обязанностей брамана: для этого нужно родиться браманомъ; въ Иліадѣ и Одиссѣи цари приносятъ жертвы; позднѣе жрецовъ выбираетъ народъ на время, какъ обыкновенныхъ сановниковъ, и исполненіе ими своихъ обязанностей не снимаетъ съ нихъ общихъ обязанностей гражданина: они не только не каста, но и не сословіе. У грека и римлянина при всей ихъ религіозности не было вѣры въ божественное происхожденіе ихъ политическихъ учреждений, которая такъ прочно уживалась на Востокѣ рядомъ съ деспотизмомъ царей. Государство ихъ не созданіе боговъ, а дѣло рукъ человѣческихъ, нѣчто такое, что, слѣдовательно, и можно передѣлывать человѣческими же руками. Религія здѣсь поэтому не играла той роли, какую играла на Востокѣ: она не развивалась въ цѣлую догматическую систему подобно индуистскому браманизму, освящавшему кастическое устройство общества, иранскому маздензму, опутывавшему личную жизнь цѣлою сѣтью мертваго формализма и подчинявшему ее рабскому игу неподвижнаго закона; она непохожа была и на религію египтянъ, которые, по свидѣтельству Геродота, были религіознѣе всѣхъ людей: тутъ религія, дѣйствительно, играла первенствующую роль во всѣхъ подробностяхъ частной и общественной жизни, и сами фараоны были постоянно, такъ сказать, подъ надзоромъ сильнаго жречества, одно время, послѣ паденія 20 династіи, даже первенствовавшего въ политикѣ. Съ корпораціей египетскаго духовенства Діодоръ Сицилійскій сравниваетъ корпорацію халдейскихъ жрецовъ въ Вавилонѣ. Извѣстно смиреніе, съ какимъ относились ассирійскіе цари къ своимъ богамъ, называя себя ихъ служителями и намѣстниками, именемъ ихъ объявляя войну, приписывая имъ свои побѣды. Религіозный строй жизни Израиля можетъ также служить примѣромъ этой особенности восточной цивилизаціи. Нигдѣ религія не подчиняла себѣ

всей жизни въ такой степени, какъ на Востокѣ, тогда какъ классическіе народы являются въ сравненіи съ народами Азіи и Египта людьми свѣтской культуры, хотя въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи и у нихъ замѣчается господство сакрального принципа. Величайшимъ продуктомъ умственной жизни Востока было созданіе, такъ сказать, ученыхъ религіозныхъ системъ, какія мы находимъ у египетскихъ жрецовъ, иранскихъ маговъ, халдеевъ и брамановъ. Вся философія Востока имѣетъ тотъ же характеръ, и только на европейской почвѣ развилась впервые свѣтская философія. За то ни отъ грековъ, ни отъ римлянъ не сохранилось ни одной книги, которую можно бы сопоставить съ такими произведеніями религіознаго творчества, каковы Законы Ману у индусовъ, иранская Зендъ-Авеста и еврейская Библия. Классическія религіи были продуктомъ чисто народнаго творчества и подвергались, главнымъ образомъ, только поэтической обработкѣ: испытующая мысль обращалась не къ народнымъ вѣрованіямъ, а къ изученію внѣшняго міра и человѣческаго духа. Только въ эпоху паденія классической цивилизаціи въ греко-египетской Александріи, гдѣ столкнулись идеи Востока и идеи Запада, возникла такъ называемая неоплатоническая философія, имѣвшая много общаго съ теософіей азіатскихъ культурныхъ народовъ. Мысль античнаго человѣка была свободна отъ догматизма сакральной традиціи, застывшей въ неизмѣнной формѣ и охватившей собою всѣ подробности политической, соціальной и частной жизни. Если, повторяемъ, восточная цивилизація проникнута во всѣхъ своихъ частностяхъ религіознымъ элементомъ, то цивилизація классическихъ народовъ была свѣтской: греческая философія не считалась откровеніемъ, даннымъ свыше богами, а приобрѣтеніемъ испытующаго ума человѣка; это была не готовая мудрость, полученная сверхестественнымъ путемъ, а только исканіе истины, стремленіе къ мудрости, въ чемъ и заключается смыслъ греческаго слова *φιλοσοφία*; равнымъ образомъ римское право не было кодексомъ юри-

дическихъ и моральныхъ предписаній, продиктованныхъ человѣку свыше, подобно еврейскому закону или законодательству Ману въ Индіи: это было, какъ извѣстно, «писанный разумъ» (*ratio scripta*), созданіе римскаго народа — словомъ, это было свѣтское право.

Вотъ почему, когда въ Римской имперіи утвердилась возникшая на Востокѣ христіанская вѣра, античная цивилизація встрѣтила ее враждебно, объявила ей войну. Вотъ почему съ утвержденіемъ христіанства кончается исторія античнаго міра, исторія преимущественно свѣтской цивилизаціи: рядомъ съ свѣтской философіей появилась религіозная, т.-е. теологія, которая стала стремиться подчинить себѣ философію: философія, говорили въ средніе вѣка, есть прислужница богословія, *philosophia est ancilla theologiae*; съ другой стороны, рядомъ съ свѣтскимъ правомъ возникло право церковное, каноническое, которое охватило собою многія чисто гражданскія отношенія. Античный человѣкъ не зналъ этого дуализма философіи и теологіи, свѣтскаго и церковнаго права, другими словами, государства и церкви, — дуализма, характеризующаго средневѣковую исторію; зато народы Востока не имѣли ни свѣтской философіи, ни свѣтскаго права. — Таковы отличительныя черты греко-римской цивилизаціи въ сравненіи съ восточною.

IV.

Характеръ античнаго міросозерцанія и гуманизмъ.

Свѣтское направленіе античной цивилизаціи отличаетъ ее и отъ средневѣковой католической культуры. Классическіе идеалы были діаметрально противоположны идеаламъ средневѣковымъ. Античный человѣкъ прежде всего былъ гражданинъ и высоко цѣнилъ политическую жизнь, тогда какъ позднѣйшій монахъ, воплощавшій въ себѣ идеалъ католической Европы, въ государ-

ствѣ видѣлъ царство діавола и безусловно подчинялъ его церкви; античный человѣкъ былъ пытливый изслѣдователь природы, монахъ видѣлъ, напротивъ, въ окружающемъ мірѣ нѣчто суетное и грѣховное и допускалъ философію только въ качествѣ прислужницы богословія; античный человѣкъ всѣ свои радости полагалъ въ земной жизни, которая для монаха была только царствомъ грѣха и юдолью печали: монахъ долженъ былъ бѣжать всего, что привязывало къ этому міру. Средніе вѣка въ Европѣ были эпохой самаго рѣзкаго дуализма: на одной сторонѣ были жизнь духа и умерщвленіе плоти, воздыханіе о небесномъ отечествѣ и данное свыше откровеніе, церковь, какъ божественное установленіе, и богословіе, какъ высшая и единая настоящая наука; на другой — грѣховная жизнь плоти и угожденіе мірскимъ страстямъ, привязанность къ ложнымъ радостямъ міра и призрачная человѣческая мудрость, основанное людьми государство и «вздорная» мірская ученость. Средневѣковая католическая система была ученіемъ о превосходствѣ духа надъ тѣломъ, монашескаго аскетизма надъ свѣтскою жизнью, религіознаго учрежденія — церкви надъ мірскимъ учрежденіемъ — государствомъ, откровенной истины Слова Божія надъ всѣми знаніями человѣческаго разума и, какъ результатъ всего этого, о главенствѣ духовнаго сословія надъ мірянами. «Какъ духъ превосходитъ тѣло своимъ достоинствомъ и значеніемъ, — говоритъ, напр., св. Бонавентура, — такъ власть духовная выше власти свѣтской». — «Мірской человѣкъ, — поучаетъ св. Даміанъ, — какъ бы ни былъ онъ благочестивъ, не можетъ быть сравниваемъ даже съ несовершеннымъ монахомъ: золото, хотя и съ примѣсью, драгоцѣннѣе чистаго олова». — «Люди мірскіе, — восклицаетъ Герлохъ, — равно какъ и духовные, должны презирать міръ, ибо весь міръ — царство сатаны». — «Обязанность каждаго христіанина бѣжать изъ міра», прибавляетъ св. Бонавентура. — «Гиппократъ, — говоритъ св. Бернардъ, — учитъ сохранять тѣло, Иисусъ Христосъ — губить его. Мы говоримъ: это вредно для желудка, а это — для груди. Въ еванге-

ліи, что ли, или у пророковъ читали вы эти вещи? Это плоть наша, такая мудрость, а не божественный духъ. Пусть стада Эпикура заботятся о своемъ тѣлѣ, что касается до нашего Божественнаго Учителя, то онъ научаетъ презирать здоровье». — «Къ чему наука христіанамъ? — спрашиваетъ св. Даміанъ. — Развѣ зажигаютъ фонарь, чтобы видѣть солнце? Оставимъ науку Юліанамъ Отступникамъ. Св. Іоаннъ обходился безъ нея, св. Григорій ее презиралъ, св. Іеронимъ упрекалъ себя въ ней, какъ въ преступленіи». — «Древніе, — проповѣдуетъ Петръ Достопочтенный, — блистали въ литературѣ, искусствахъ и наукахъ: къ чему послужила имъ эта образованность? Когда Истина воплотилась, она отвергла ихъ образованность. Пусть замолчитъ человѣческое чванство, когда заговорило слово божественное!» — «Что такое жизнь человѣческая, — говоритъ Hugo de Sancto Victore, — какъ не путешествіе? Мы — путники и только проходя видимъ этотъ міръ. Если на пути мы встрѣчаемъ незнакомыя вещи, то есть ли смыслъ отдать себя въ ихъ власть и своротить съ своей дороги? А это-то и дѣлаютъ люди, посвящающіе себя наукѣ: неосторожные прохожіе, они забываютъ цѣль своего путешествія, они не направляются къ своему отечеству». Понятное дѣло, что при такомъ взглядѣ не могли развиваться ни свѣтское искусство, ни свѣтская наука: архитектура, скульптура, живопись, музыка служили церковнымъ цѣлямъ; самая обширная литература была церковная; въ университетахъ главнымъ факультетомъ былъ богословскій, а профессорами — клирики; область науки была тѣсно ограничена, ибо изученіе внѣшняго міра считалось пустымъ занятіемъ, но и въ этой ограниченной области духовнаго, въ которой вращалась наука, она не была свободна: мысль человѣка не смѣла дѣлать самостоятельныхъ изысканій, ей давались готовые рѣшенія, извѣстные тезисы, коимъ она должна была подчиняться; теологія должна была ствращать человѣчество отъ пагубныхъ идей, и въ ея онекъ философія могла находить единственное вѣрное руководство, такъ что цѣлью этой философіи

было подкрѣпленіе разумомъ положеній вѣры. Античныя традиціи должны были исчезнуть въ средніе вѣка: свѣтское общество новыхъ варварскихъ народовъ, пришедшихъ на смѣну древнимъ, было грубо, духовное сословіе было проникнуто аскетическими идеалами, діаметрально противоположными идеаламъ классическимъ. Но когда среди мірянъ явились отдѣльныя личности, находившія удовольствіе въ умственныхъ занятіяхъ, они обратились къ изученію классиковъ, и началось то, что называется *Возрожденіемъ*. Такіе люди усвоили себѣ названіе гуманистовъ, а внесенное ими въ просвѣщеніе направленіе — названіе гуманизма. Въ жизнь новой Европы гуманизмъ вводилъ новые элементы: прежде всѣ отрасли знанія были только ступенями, которыя приводили къ познанію богословія, и цѣлью всякаго изученія было слово Божіе, теперь и слово человѣческое (humana, humaniora) само по себѣ, — то, что мы называемъ свѣтской литературой, — дѣлается самостоятельнымъ предметомъ любознательности; средневѣковое міросозерцаніе относилось къ человѣку, какъ къ существу грѣховному, испорченному въ самой своей природѣ, и только такого испорченнаго человѣка теологія считаетъ достойнымъ вниманія, какъ предметъ великаго акта спасенія воплотившимся Богомъ; у гуманистовъ же человѣкъ явился, наоборотъ, существомъ высшимъ, развернувшимъ всѣ свои духовные дары въ чудныхъ произведеніяхъ искусства, поэзіи, философіи античнаго міра. Свѣтское направленіе современной цивилизаціи ведетъ свое начало отъ классическихъ народовъ, которые первые сѣумѣли придать своей образованности чисто свѣтскій, человѣчный, гуманный характеръ.

Грекъ и римлянинъ всѣми помыслами своей души жили въ этомъ мірѣ: загробный міръ, будущая жизнь занимали ихъ очень мало въ періодъ полнаго блеска ихъ цивилизаціи. Индусъ создалъ себѣ представленіе о вѣчномъ переселеніи душъ, въ которомъ каждое существованіе есть только одинъ мигъ, мысль его была подавлена этой безконечной цѣпью бытія, земная жизнь казалась

ему не имѣющей цѣны, міросозерцаніе его исполнено было самаго мрачнаго пессимизма, который создалъ аскетизмъ брамановъ и разрѣшился въ буддійскомъ ученіи о томъ, что бытіе есть зло, а небытіе — добро; въ жизни индусы стали видѣть наказаніе за грѣхи, совершенные въ прежнихъ существованіяхъ, а отсюда понятно стремленіе избавиться отъ этой жизни, умерщвляя плоть и не придавая значенія обманчивымъ предметамъ этого міра. Таковъ былъ характеръ браманской цивилизаціи. Египтяне также много занимались мыслью о загробной жизни и въ виду будущаго существованія располагали свою жизнь земную: они балъзамированіемъ сохраняли тѣла мертвецовъ до возвращенія въ нихъ отлетѣвшихъ душъ; они строили для своихъ мумій вѣковѣчныя гробницы; они вѣрили, что душа судится въ загробномъ мірѣ Озирисомъ и сорока двумя судьями: осужденная душа мучится, пока не придетъ въ ничтожество послѣ второй смерти, праведная же проходитъ рядъ испытаній, пока не очистится совершенно и не соединится съ богомъ. И въ Индіи, и въ Египтѣ идея посмертной жизни играла важную роль въ религіи и тѣсно связана была съ представленіемъ о грѣхѣ, о необходимости вести святую жизнь, чтобы получить оправданіе за гробомъ. Та же идея господствовала и въ средневѣковомъ міросозерцаніи, къ чему еще присоединялось ожиданіе скорой кончины міра. Мы не видимъ этого ни въ Греціи, ни въ Римѣ. Классическіе народы жили на этой землѣ и эту жизнь считали за единственно настоящую: о загробномъ мірѣ они имѣли самыя смутныя представленія, сводившіяся на нѣсколько мифологическихъ образовъ. Ихъ боги — вѣчно блаженные, никогда не умирающіе, живущіе на Олимпѣ, гдѣ ихъ не беспокоитъ ни вѣтеръ, ни дождь, ни снѣгъ, — питающіеся нектаромъ и амброзіей и слушающіе сладкое пѣніе музъ. Греческое небо — вѣчный пиръ, но это небо только идеализація того, что человѣкъ находилъ на землѣ, отраженіе его взглядовъ на земную жизнь. Чтобы чествовать такихъ боговъ, не нужно было умерщвлять свою плоть, поститься, съ трепетомъ

молиться и унижаться передъ ними, вымаливая себѣ прощенье въ грѣхахъ: греческія религіозныя торжества были пиршествами, на которыхъ богамъ приносилась жертва, участіемъ въ радости боговъ, праздникомъ жизни, соединеннымъ съ пѣніемъ, танцами, театральными представленіями и красивыми процессіями. «О, греки, греки, — говорилъ Солону одинъ египетскій жрецъ, — вы дѣти». Передъ такими богами античный человѣкъ не ощущалъ трепета: они были слишкомъ близки къ нему; онъ не чувствовалъ передъ ними мистическаго головокруженія; въ своей поэзіи онъ распоряжается съ ними, какъ дитя съ игрушками; онъ обращается съ ними за панибрата и под конецъ выводитъ ихъ на театральные подмостки и дѣлаетъ изъ нихъ простыя риторическія украшенія своей поэзіи. Эти боги не дали ему никакого особеннаго откровенія, которое стѣсняло бы его мышленіе теологическимъ догматизмомъ Востока, и философствующая мысль прибѣгаетъ къ матеріи, къ водѣ, къ воздуху и т. п. на первыхъ же порахъ, чтобы объяснить сущность и происхожденіе міра. Эти боги стоятъ не внѣ міра и не надъ міромъ, какъ нѣчто ему чуждое и отъ него отличное: они только самыя совершенныя, самыя могущественныя существа въ немъ, а самый міръ представляется грекамъ Космосомъ, гармоніей и правильнымъ порядкомъ вещей, существующихъ и измѣняющихся самихъ по себѣ; позднѣе стоики сравнивали его съ большимъ государствомъ, управляемымъ лучшими законами. Высшаго надъ этимъ міромъ античный человѣкъ ничего не зналъ, а потому не считалъ его недостойнымъ изученія. Онъ и не стремился уйти куда-нибудь изъ этого міра, гдѣ было бы что-либо болѣе достойное, чѣмъ его радости. Для того, чтобы вообразить себѣ блаженное существованіе боговъ, ему не нужно было возбуждать въ себѣ какія-либо чувства, которыхъ не можетъ внушить земная жизнь. Понятіе о христіанскомъ раѣ было бы для него недоступнымъ. Понятно, какъ отнесся античный человѣкъ къ загробному существованію: для него это — какое-то неясное пребываніе пу-

стыхъ тѣней. У Гомера Ахиллъ въ подземномъ царствѣ признается, что онъ скорѣе согласился бы быть послѣднимъ наемникомъ на землѣ, чѣмъ стоять во главѣ всѣхъ нѣкогда жившихъ мертвецовъ. Позднѣе, въ эпоху философской мысли, идея о загробномъ мірѣ не внушаетъ тѣхъ чувствъ, какія господствовали въ религіяхъ Востока. «Изъ двухъ вещей, — говоритъ Сократъ своимъ судьямъ, — смерть что-либо одно: или умершій перестаетъ существовать и не имѣетъ ощущенія чего бы то ни было, или же смерть, какъ говорятъ, только нѣкоторая перемѣна, переходъ души изъ этого мѣста въ другое». Въ первомъ случаѣ онъ сравниваетъ смерть съ глубокимъ сномъ безъ грезъ и видѣній и находитъ, что тогда она подобна самой спокойной ночи, которая такъ нравится человѣку. «Но если, — продолжаетъ онъ, — смерть есть переходъ въ другое мѣсто, и если, какъ утверждаютъ, въ этомъ мѣстѣ собраны всѣ умершіе, то можно-ли было бы, судьи, вообразить себѣ большее благо. Жить съ Орфеемъ, Музеемъ, Гезіодомъ, Гомеромъ — за какую цѣну не купилъ бы человѣкъ себѣ этого блага? Что касается до меня, то если это правда, я готовъ умереть нѣсколько разъ». Двадцать вѣковъ спустя, Паскаль, возбуждая тотъ же вопросъ и высказывая подобное же сомнѣніе, видѣлъ въ смерти ужасную альтернативу вѣчнаго уничтоженія или вѣчныхъ страданій. Не такъ смотрѣли на дѣло греки.

Поэтому имъ чуждъ былъ аскетизмъ, внушавшійся индуизму его взглядами на жизнь и смерть и его представленіемъ о волѣ верховныхъ боговъ. Греческая религія нашла высшее свое выраженіе въ поэтической мифологіи; философія не выработала изъ нея величавой системы вѣрованій, подобной, напр., браманизму; напротивъ, философія не только эмансипировалась отъ мифическихъ представленій, но содѣйствовала даже тому, чтобы самыя представленія эти потеряли кредитъ и на нихъ стали смотрѣть, какъ на басни. Не зная ничего внѣ этого міра и не признавая иного авторитета, кромѣ человѣческаго разума, грекъ выработалъ чисто свѣтскую цивилизацію и устремилъ всѣ свои по-

мысли на устроение своихъ земныхъ дѣлъ: онъ чувствовалъ себя гражданиномъ своего отечества, не бѣжалъ отъ людей въ лѣсъ, подобно индусскому аскету, не создавалъ себѣ особой организаціи, которая стремилась бы, обособившись отъ земнаго государства, надъ нимъ господствовать во имя иного міра; онъ чувствовалъ себя наблюдателемъ природы, его окружающей, и старался ее постигнуть, не считая ее чѣмъ-то немѣющимъ никакого значенія въ сравненіи съ инымъ высшимъ міромъ; на землѣ онъ видѣлъ въ себѣ постоянного жильца, а не временнаго квартиранта, остановившагося по пути въ какую-то далекую, неизвѣстную страну, его истинное отечество. Если таковъ былъ грекъ съ своимъ поэтическимъ чутьемъ и склонностью къ идеализму, то разсудительный, трезвый, прозаическій, положительный римлянинъ былъ еще менѣе способенъ искать чего-либо, кромѣ того, что давала ему реальная жизнь. Римъ не развилъ даже поэтической мифологіи, составляющей одно изъ украшеній греческой жизни: его боги скорѣе служатъ практическимъ цѣлямъ его частнаго и государственнаго быта, чѣмъ вызываютъ къ дѣятельности его фантазію. Своимъ формализмомъ римская религія способна, пожалуй, напомнить намъ практическую религіозность Востока, но этотъ формализмъ былъ скорѣе продуктомъ страсти къ внѣшнему порядку, къ внѣшней законности, чѣмъ обрядностью, направленной на достиженіе неземныхъ цѣлей. Римлянинъ молился и гадалъ, приносилъ жертвы и устраивалъ праздники, чтобы получить благополучіе въ этой жизни, а не блаженство въ загробной. Если грекъ не создалъ философской религіи египетскаго жреца, халдея, мага, брамана, то еще менѣе былъ на то способенъ римлянинъ, а свѣтская цивилизація Эллады этой своей стороною пришлась впослѣдствіи какъ нельзя больше къ прозаическому характеру римлянина. Первоначальное право Рима было еще проникнуто сакральнымъ началомъ, но едва въ дальнѣйшемъ его развитіи приняли участіе интересы враждебныхъ партій его населенія и сознательная мысль магистратовъ: право

эманципировалось отъ вліянія религіи, и Римъ дошелъ до того взгляда, что положительный законъ не имѣетъ ничего общаго съ сакральными предписаніями жрецовъ.

Процессъ выработки этой свѣтской, человѣчной цивилизаціи изъ первобытной культуры грековъ и римлянъ, въ которой мифологія составляла всю философію и право находилось подъ религіозной санкціей, — представляетъ изъ себя одну изъ самыхъ интересныхъ сторонъ классической исторіи какъ по отношенію къ ней самой, такъ и по отношенію къ нашей образованности. Гуманистическое движеніе, ознаменовавшее собою эпоху Возрожденія, — этотъ переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, — играетъ слишкомъ важную роль въ исторіи Европы, чтобы не упомянуть здѣсь о томъ значеніи, какое въ XIV и XV вв. имѣло изученіе классической литературы: тутъ началась секуляризація и нашего новаго государства, которое перестало разсматриваться, какъ искаженное подобіе церкви, и разиваться подъ ея опекой, — и нашей новой науки, которая обратилась къ изученію реального міра, отрицавшагося средневѣковымъ спиритуализмомъ, и освободилась отъ авторитета схоластической философіи, — и всей частной и общественной жизни, которую средневѣковой аскетизмъ стремился загнать въ монастыри, отрицая въ ней все, что мѣшало, по его мнѣнію, вѣчному спасенію. Такова роль гуманизма, этого наслѣдія греко-римской цивилизаціи. Что касается до нея самой, то эпоха конца древняго міра характеризуется возвращеніемъ къ религіозному міросозерцанію, когда идеи Востока хлынули въ греко-римскій міръ, и прежде нежели успокоиться на христіанствѣ, внесшемъ въ человѣчество новые принципы, міръ этотъ перепробовалъ все, что только могло создать смѣшеніе боговъ Эллады и Италіи съ богами Востока, и что только могло получиться изъ взаимодѣйствія греческой философіи съ философскими и религіозными системами Востока. Но въ эту именно эпоху грекъ и римлянинъ перестали себя чувствовать свободными гражданами, склонившись передъ деспотиз-

момъ имперіи, отшатнулись отъ изученія внѣшняго міра, жадно прислушиваясь къ тому, что вѣщали теологіи Востока, отказались даже считать земную жизнь концомъ всего, все болѣе и болѣе интересуясь міромъ загробнымъ, въ который вводили ихъ многочисленныя мистеріи. Процессъ былъ законченъ: за младенческимъ міросозерцаніемъ дѣтства слѣдовала могучая философія зрѣлаго возраста, пока не наступило старческое утомленіе жизнью, приведшее къ пессимизму разочарованія. Величайшимъ наслѣдіемъ цвѣтущей поры античной исторіи, зрѣлаго возраста грековъ и римлянъ, было то, что названо гуманизмомъ, и этотъ-то гуманизмъ наиболѣе характеризуетъ классическую цивилизацію въ сравненіи съ восточными и съ средневѣковою.

V.

Политическій бытъ классическихъ народовъ.

Обратимся теперь къ другимъ особенностямъ античной жизни и займемся прежде всего политическимъ устройствомъ грековъ и римлянъ.

Греція никогда не составляла одного государства, подобнаго государствамъ новаго времени. Уже во второй пѣснѣ гомеровою Иліады, гдѣ перечисляются войны и корабли, пошедшіе подъ Трою, можно насчитать около тридцати отдѣльныхъ государствъ; съ теченіемъ времени, при страшномъ развитіи колоній по островамъ и берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей, число ихъ дошло до нѣсколькихъ сотъ. Конечно, они были очень миниатюрны, и самыя большія между ними представляли изъ себя нѣчто на нашъ взглядъ очень малое; обыкновенно все государство состояло изъ одного города съ небольшою территоріей. Съ акрополя одного государства можно было видѣть иногда акрополь или горы сосѣдняго. Моральное отечество грека совпадало съ его родиной въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Число гражданъ такого государ-

ства не могло быть большимъ, и всѣ граждане легко могли сходиться на городской площади, чтобы рѣшать общественныя дѣла. Послѣднему афинянину были понятны несложные интересы его роднаго города, и онъ зналъ, какой политики держаться, напр., съ Мегарой или Спартой, не занимаясь спеціально дипломатіей и не нуждаясь въ обширныхъ географическихъ, историческихъ, статистическихъ свѣдѣніяхъ. Жизнь въ такомъ государствѣ не была сложна, и не требовалось спеціального образованія, чтобы сдѣлаться администраторомъ, полководцемъ, судьей: гражданинъ легко могъ взять на себя всякую должность, которая была ему по способностямъ, и безъ труда переходилъ отъ одной къ другой. Результатомъ было широкое развитіе политической жизни.

Не иначе было сначала и въ Италіи. Этруски составляли союзъ изъ 12 городовъ, изъ коихъ каждый былъ самостоятельнымъ государствомъ. Въ эпоху основанія Рима въ Лаціумѣ существовалъ подобный же союзъ 30 городовъ. Самъ Римъ долгое время сохранялъ характеръ городского государства. Достигши первенства сначала въ Лаціумѣ, потомъ во всей Италіи, онъ не сдѣлался сейчасъ же столицей большого государства, а долгое время оставался самъ государствомъ, подъ властью коего находились другія. Собственно говоря, другіе города стали только въ извѣстныя отношенія къ Риму, какъ его союзники (*socii populi romani*): граждане такъ называемыхъ муниципій не имѣли права голоса въ римскихъ народныхъ собраніяхъ, но управлялись за то собственными выборными властями. Римское государство было скорѣе союзомъ городовъ и земель подъ верховенствомъ городского государства, чѣмъ единымъ государствомъ въ нашемъ смыслѣ. — Греція, какъ родилась, такъ и умерла раздѣленною, и только римляне, къ концу своей исторіи, вышли изъ тѣсныхъ рамокъ одного города, раздавъ права своего гражданства итальянцамъ и провинціаламъ и превративъ постепенно свой городъ изъ государства, господствующаго надъ другими, въ простую столицу

обширной имперіи, — процессъ, составляющій весьма интересную сторону римской исторіи. Но и имперія не уничтожила окончательно муниципальнаго устройства: въ эпоху ея паденія, города пользовались самоуправленіемъ, насколько оно было совмѣстимо съ существованіемъ центрального правительства въ Римѣ. Слѣды этого устройства пережили самую имперію, хотя нѣкоторые историки преувеличивали вліяніе, оказанное имъ на городской бытъ средневѣковой Европы. Во всякомъ случаѣ, однако, напр., средневѣковыя итальянскія республики были какъ бы повтореніемъ муниципальной жизни античнаго міра.

Итакъ, характерной формой политической жизни въ древнемъ мірѣ былъ *городъ* (*πόλις*, *civitas*). Другою особенностью этой формы было то, что не все населеніе такой общины составляло изъ себя его гражданство. Государство составляли изъ себя только немногіе граждане (*πολίται*, *cives*); остальные жители стояли внѣ государства; признакомъ же гражданина было участіе въ судѣ и управленіи, какъ опредѣлялъ Аристотель, и въ пользованіи всѣми гражданскими правами, какъ понимали *civitatem* римляне. Такимъ образомъ, городъ, собственно говоря, не совпадалъ съ гражданской общиной: въ городѣ могли жить люди, не принадлежащіе къ общинѣ, — разные пришлецы, переселенцы, бѣглецы безъ роду и племени, остатки покоренныхъ жителей. Такъ, въ первоначальной исторіи Рима мы находимъ два класса населенія, патриціевъ и плебеевъ: первые и были *cives*, они только и составляли *civitatem*, они только и назывались *populus romanus*. Въ Лаконіи лишь одни потомки завоевателей дорянъ были гражданами государства, они одни назывались спартіатами, остальное населеніе состояло изъ періековъ и гелотовъ, изъ коихъ первые считались лично свободными, но не были гражданами, а послѣдніе находились въ крѣпостномъ состояніи. Въ Атикѣ характеръ гражданского населенія имѣли метэки: они также были лично свободны, т.-е. не находились въ рабствѣ, но не входили въ составъ гражданской общины. Такимъ образомъ,

это было не простое социальное неравенство двухъ классовъ одного государства, а полное исключеніе части населенія городской республики изъ его состава, какъ какихъ-нибудь иностранцевъ.

Община была сначала союзомъ крайне исключительнымъ, замкнутымъ: сдѣлаться ея гражданиномъ постороннему было очень трудно; всякій, кто стоялъ внѣ ея, былъ чужакомъ, нереприномъ; изгнаніе изъ отечества было поэтому величайшимъ наказаніемъ, ибо изгнанному некуда было приклонить голову. За то ея члены были въ государствѣ всѣмъ: съ паденіемъ царской власти, которую мы находимъ первоначально во всѣхъ городскихъ государствахъ, вся полнота верховной власти стала переходить къ гражданамъ, начавшимъ принимать непосредственное участіе въ управленіи. Древній міръ не зналъ представительной системы: «народъ» участвовалъ въ управленіи непосредственно, сходясь на свои вѣча (*ἐκκλησία* въ Аѳинахъ, *comitium* въ Римѣ), а не выбиралъ депутатовъ въ какое-либо особое представительное учрежденіе, какъ въ государствахъ Западной Европы.

Каждая община распадалась на болѣе мелкіе союзы, изъ соединенія которыхъ собственно и возникала. Спартіаты дѣлились на три филы съ подраздѣленіемъ на обы (*ὄβρι*), по 10 въ каждой филѣ и по 300 семействъ на каждую обую; аѳиняне, въ древнѣйшій періодъ, состояли изъ четырехъ филъ, изъ коихъ каждая подраздѣлялась на три фратіи, въ связи съ чѣмъ стоитъ преданіе о происхожденіи Аѳинъ изъ соединенія 12 отдѣльных общинъ; патриціанскій Римъ имѣлъ подобное же устройство: здѣсь были три трибы *Рамны*, *Тиции* и *Луцеры* латинскаго, сабинскаго и этрусскаго (?) происхожденія; каждая триба раздѣлялась на 10 курій: по куріямъ собирались народныя собранія (*comitia curiata*); курія состояла изъ 10 декурій или родовъ (*gentes*). Подобно тому, какъ каждая семья и каждый родъ поклонялись своимъ домашнимъ богамъ, и единство культа было главнымъ признакомъ общаго происхожденія, — фратріи съ ку-

ріями и фила съ трибами имѣли своихъ особенныхъ боговъ-покровителей. Членомъ такихъ союзовъ, равно какъ и членомъ семьи (чрезъ выходъ замужъ, усыновленіе), можно было сдѣлаться только посредствомъ религіознаго обряда, приобщавшаго чужака къ культу союза. Гражданская община была какъ-бы расширеніемъ этихъ союзовъ, которые не переставали, однако, существовать, входя въ составъ болѣе крупной единицы. Каждая община также имѣла свой особый культъ, и для того, чтобы къ ней принадлежать, нужно было прежде быть членомъ известной семьи, фратріи, фила и участвовать въ ихъ культѣ. Боги общины, какъ и семейные, назывались ларами, героями. Если два города и поклонялись одному, повидимому, божеству, называя его, напр., Зевсомъ, то было въ сущности столько же Зевсовъ, сколько и городовъ, покровитель которыхъ такъ назывался. Въ Римѣ была Юнона, въ сосѣднихъ Вейхъ тоже Юнона; когда Камиллъ осаждалъ этотъ городъ, то умолялъ непріятельскую Юнону покинуть Вей и переселиться въ Римъ, гдѣ уже была своя Юнона. Община не хотѣла, чтобы ея боги покровительствовали чужимъ и запрещала послѣднимъ молиться въ своихъ храмахъ: одни аргивяне могли входить въ храмъ Геры въ Аргосѣ, въ храмъ Аѳины въ Аѳинахъ—только граждане аѳинскіе; римляне, имѣвшіе у себя двухъ Юнонъ, не могли входить въ храмъ третьей, бывшей въ городѣ Ланувіумѣ. — Участіе въ культѣ было обязательно для гражданина: иначе онъ могъ лишиться своихъ правъ. Зато чужому человѣку, не имѣющему той же святыни, запрещалось даже присутствовать при культѣ; этимъ затруднялось вступленіе въ число гражданъ, ибо граждане боялись, чтобы пришлецъ не былъ неугоденъ роднымъ богамъ. Нельзя было, по той же причинѣ, быть гражданиномъ двухъ городовъ. Чужаго человѣка часто принимали радушно въ городѣ, но не дѣлали членомъ общины: судили его особые судьи (*praetor peregrinus* въ Римѣ, полемархъ въ Аѳинахъ); онъ не имѣлъ права приобрѣтать собственность или вступать въ законный бракъ съ гражданкою;

заключенные имъ договоры не имѣли силы; приобрѣсти покровительство закона онъ могъ, только выбравъ себѣ патрона изъ гражданъ.

Такова была замкнутость, исключительность гражданской общины въ ранній періодъ, когда въ правѣ господствовалъ еще сакральный элементъ. Но дальнѣйшая исторія греко-римскихъ учреждений состояла, какъ мы видѣли, не въ развитіи и утвржденіи этого элемента, а въ его ослабленіи и въ эманципации права отъ религіозныхъ воззрѣній. Исторія не закрѣпляла рамки между гражданами и негражданами, превращая тѣхъ и другихъ въ двѣ разныя касты, а напротивъ, ломала всякія перегородки, пока всѣ свободные жители Римской имперіи не сдѣлались равноправными римскими гражданами; исторія не развивала, далѣе, обособленности каждой общины съ ея религіознымъ культомъ, но, напротивъ, сближала ихъ, пока въ Римской имперіи не составилось какой-то синкретической религіи изъ смѣси вѣровацій Рима, Греціи, Египта и азіатскихъ странъ. Востокъ оставался на національной, политической и религіозной исключительности, свойственной первобытной эпохѣ каждого народа; Греція и Римъ, начавъ съ той же исключительности, къ концу утратили ее: съ одной стороны, замкнутая община стала принимать въ себя чуждые элементы, теряя все болѣе и болѣе свой религіозно-родовой характеръ и съ каждымъ шагомъ все болѣе дѣлаясь учрежденіемъ чисто свѣтскимъ; съ другой, разрозненные общины стали сближаться между собою, отказываться отъ своей исключительности и вырабатывать болѣе общечеловѣческія основы для своего быта. Здѣсь не мѣсто подробно говорить объ этомъ процессѣ въ античной исторіи, но нельзя не указать на то, что онъ начался при самомъ вступленіи въ болѣе достовѣрную исторію. Въ VI вѣкѣ, двѣсти лѣтъ спустя послѣ основанія Рима, Сервій Туллій, шестой царь римскій, положилъ основу постепенному сліянію патриціевъ и плебеевъ въ одну гражданскую общину: плебей, раздѣленные на 30 мѣстныхъ трибъ

и получившіе свои особыя трибутныя комиціи, перестали быть иностранцами, ибо безразлично съ патриціями стали собираться на общія собранія, такъ называемыя *comitia centuriata*. Постепенно они уравнились во всѣхъ правахъ съ патриціями и около 300 года до Р. Х. получили доступъ и къ жреческимъ должностямъ, принадлежавшимъ прежде членамъ старыхъ курій. Аналогичный характеръ имѣетъ въ Аѳинахъ законодательство Клеистена (509 г.), по которому было уничтожено прежнее дѣленіе на четыре филы, имѣвшія родовой характеръ, и вмѣсто него, введено новое дѣленіе народа на мѣстныя филы съ подраздѣленіемъ на демы, причемъ даже многіе метэки были включены въ число членовъ этихъ демовъ. Какъ ни крѣпки сначала были религиозныя традиціи политическаго быта, онѣ не въ силахъ были замкнуть его въ постоянныя формы. Работа государственныхъ мужей и философовъ Греціи, магистратовъ и юристовъ Рима состояла именно въ томъ, чтобы усовершенствовать понятіе о государствѣ и гражданѣ, руководясь указаніемъ чисто свѣтской политической мысли. Исключительно-мѣстное и строго-религиозное вначалѣ римское право, право однихъ гражданъ Рима, сдѣлалось, наконецъ, правомъ всѣхъ народовъ имперіи, принявъ въ себя элементы, ему первоначально чуждые.

Древній Востокъ не зналъ человѣка самого по себѣ: внѣ извѣстнаго національнаго, политическаго, религиознаго союза личность была ничто. Также и въ началѣ греческой и римской исторіи личность человѣка имѣла права, поскольку принадлежала къ извѣстному роду, къ извѣстной фратріи или филѣ, къ извѣстной общинѣ, къ извѣстной національности. Индивидуумъ получалъ всѣ свои права отъ того государства, къ которому принадлежалъ: внѣ его онъ былъ ничто. Отсюда это полновластіе государства, характеризующее античный политическій бытъ и такъ рѣзко отличающее его отъ новаго европейскаго государства. Гражданинъ принадлежалъ не себѣ, а общинѣ. Въ Спартѣ только смерть освобождала его отъ военной службы; въ Аѳинахъ послѣдняя была обязательна

до шестидесяти, въ Римѣ до пятидесяти лѣтъ. Имущество частнаго лица было какъ бы въ полномъ распоряженіи государства: послѣднее могло приказывать женщинамъ выдать всѣ свои драгоценности, кредиторамъ — поступиться въ его пользу своими ссудами и т. д. Вступленіе гражданина въ бракъ не ускользало отъ государственнаго вмѣшательства: аѳинскій законъ не позволялъ человѣку оставаться холостымъ, въ Спартѣ наказывали тѣхъ, которые опаздывали женитьбой. «Римляне, — говоритъ Плутархъ въ біографіи Катона Старшаго, — не думали, чтобы каждому надлежало предоставить на волю жениться, имѣть дѣтей, избирать родъ жизни, давать праздники, наконецъ, вообще слѣдовать своимъ желаніямъ и вкусамъ, безъ предварительнаго разрѣшенія и надзора». Государство могло предписывать работу въ Аѳинахъ и праздность въ Спартѣ. Древніе уставы Спарты и Рима разрѣшали отцу умерщвлять уродливаго ребенка, и подобный же законъ внесли Платонъ и Аристотель въ свои идеальныя законодательства. Мелочи жизни регулировались закономъ: въ Локрахъ мужчины не имѣли права пить вино безъ примѣси воды; въ Римѣ, въ Милетѣ, Массиліи (Марсели) это запрещалось женщинамъ; въ Родосѣ и въ Византіи законъ не допускалъ бритья бородъ; законодательство Спарты устанавливало женскій головной уборъ. Послѣ пораженія спартанцевъ при Левктрахъ родители убитыхъ воиновъ должны были, по предписанію начальства, являться въ свѣтъ съ веселыми лицами. Въ одно время въ Аѳинахъ гражданинъ не смѣлъ не принадлежать къ какой-либо партіи: за политическій индифферентизмъ его могло постигнуть изгнаніе и конфискація имущества. Воспитаніе дѣтей было въ полной власти государства: «недолжно, — говоритъ Платонъ въ сочиненіио Законахъ, — предоставлять родителямъ на волю — посылать или не посылать дѣтей къ учителямъ, избраннымъ гражданской общиной: дѣти вѣдь не столько принадлежать родителямъ, сколько ей», — и спартанцы особенно строго держались этого принципа. Можно было вѣрить или не вѣрить въ божества, общія и міровыя, каковы,

напр., Зевсъ небесный или Ювона, можно было ненавидѣть и презирать боговъ сосѣдняго города, но никто не смѣлъ усумниться въ государственной святинѣ: Сократъ поплатился жизнью за преступленіе подобнаго рода. Это былъ какой-то культъ государства, и государственность нерѣдко такъ же опутывала жизнь греческаго или римскаго гражданина, какъ на Востоку религиозныя предписанія. Но верховнымъ предметомъ этого культа было здѣсь не вѣнчированное божество, а земное отечество въ предѣлахъ гражданской общины. Это была религія патріотизма. Личность приносилась въ жертву этому богу. Въ своихъ интересахъ государство могло карать невиннаго: Аристидъ былъ изгнанъ изъ отечества не за какое-либо преступленіе, а за то, что своими доблестями снискалъ чрезмѣрное вліяніе и могъ бы сдѣлаться опаснымъ, если бы лишь захотѣлъ. Остракизмъ существовалъ не въ однихъ Аѣинахъ: его знали въ Аргосѣ, въ Мегарѣ, въ Сиракузахъ. *Salus populi — suprema lex* — изреченіе древнихъ. Этотъ деспотизмъ государства отступалъ только передъ сферой семейныхъ отношеній, но семья была только прототипомъ общины: она также игнорировала права отдѣльной личности. Законъ первоначально позволялъ въ Греціи и въ Римѣ отцу продать и убить сына. Женщина—вѣчная малолѣтка: дочь подвластна отцу, умеръ отецъ—братьямъ; жена подвластна мужу, а по его смерти агнатамъ мужа, т.-е. ближайшимъ его роднымъ, иногда собственнымъ своимъ сыновьямъ. Сыновья также остаются какъ бы малолѣтками, пока живъ отецъ, хотя бы они были женаты, хотя бы занимали высшія должности въ государствѣ. При рожденіи ребенка отецъ властенъ его признать или отринуть; мужъ можетъ развестись съ неплодной женой; глава семьи можетъ выдать дочь замужъ, женить сына, эманципировать его изъ-подъ своей власти, усыновить кого ему угодно; онъ одинъ собственникъ имѣнія, приданаго жены, всего, что пріобрѣтено сыномъ; онъ одинъ можетъ являться передъ судомъ державнаго города: жена и сынъ лишены права быть истцами, защитниками, обви-

нителями, подсудимыми, свидѣтелями; глава семьи судилъ жену и сына и въ извѣстныхъ случаяхъ могъ приговорить ихъ къ смертной казни. Такова была *potestas patria* въ Римѣ; нѣкоторыя черты ея держались долго въ Спартѣ; ранѣе всего она исчезла въ Аѣинахъ, гдѣ вообще индивидуализмъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Поэтому свободу античный человѣкъ понималъ въ иномъ смыслѣ, нежели мы: для него она состояла въ политическихъ правахъ, въ подачѣ голоса на вѣчѣ, въ назначеніи магистратовъ, въ доступѣ къ общественнымъ должностямъ, а не къ личной индивидуальной свободѣ. Платонъ написалъ книгу о *Государствѣ*, представивъ его первообразъ, существующій въ мірѣ идей: это—государственная жизнь грековъ, возвышенная на степень идеи, это—ученіе объ исключительномъ подчиненіи частнаго всеобщему, о пожертвованіи личностью интересамъ государства, объ обращеніи добродѣтели нравственной въ политическую. Но тутъ же, на почвѣ греческихъ и римскаго государствъ, стало вырабатываться и начало личности, неизвѣстное Востоку: легче было освободиться отъ поглощенія государствомъ, чѣмъ отъ уничтоженія въ религиозной идеѣ. Ранѣе всего почувствовалъ значеніе своего личнаго я подвижной аѣинянинъ, но и вообще вездѣ началъ мало-по-малу пробиваться болѣе индивидуалистическій духъ, древняя строгость стала смягчаться, и достоинство человѣка, какъ такового, было признано и отвлеченною мыслию, и правами, и закономъ. Особенно въ этомъ отношеніи много сдѣлала стоическая философія: въ ней умирающая древность даже пришла къ заключенію, что и рабъ человѣкъ. Иначе и не могло быть у народовъ, пользовавшихся широкимъ участіемъ въ политической жизни и выдвинувшихъ столько великихъ людей въ области философіи, науки, искусства, поэзіи, политики и юриспруденціи.

Идея равенства у древних.

Древний Востокъ не только въ дѣйствительной жизни не зналъ свободы ни въ смыслѣ участія гражданъ въ управленіи, ни въ смыслѣ индивидуальной независимости, но даже не имѣлъ о ней идеи. Классическій міръ выдвинулъ на первый планъ политическую свободу, т.-е. полное самоуправленіе гражданскихъ общинъ. Новая Европа развила идею и о свободѣ индивидуальной. Въ этомъ отношеніи мы пошли далѣе народовъ античнаго міра точно такъ же, какъ и въ пониманіи равенства. Новыя демократіи не могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что называлось этимъ словомъ у древнихъ грековъ. Наиболее развится демократическій принципъ въ Аѣинахъ, но чѣмъ же въ сущности была эта демократія? Это была лишь равноправность внутри такой гражданской общины, которая сама была нѣкотораго рода аристократіей по отношенію къ остальному населенію территоріи, принадлежавшей общинѣ. Античному міру была чужда такая идея о равенствѣ, какую выработала новая Европа и особенно развила великая республика Сѣверной Америки. Римъ совершилъ великое дѣло, распространивъ права римскихъ гражданъ на все свободное населеніе имперіи; но далѣе онъ не пошелъ, ибо его паденіе пережили два института, тѣсно связанные со всею античною жизнью: крѣпостничество, примѣръ коего представляютъ изъ себя лакедемонскіе гелоты, ѳессалійскіе пенесты, аргосскіе гимнеты, сикіонскіе коринефоры, критскіе мноиты и клероты и римскіе колонны—съ одной стороны, и рабство—съ другой. Европейскимъ народамъ самимъ пришлось пережить длинную эпоху существованія несвободныхъ состояній: раньше всего изъ нашихъ учрежденій исчезло рабство, а отмѣна крѣпостнаго состоянія совершилась только на нашихъ глазахъ въ XIX вѣкѣ подъ вліяніемъ примѣра, поданнаго французской революціей 1789 г.

Остановимся сначала на гражданской общинѣ античнаго міра. Въ началѣ ея исторіи мы вездѣ замѣчаемъ аристократическій складъ жизни, который въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр., въ Спартѣ) такъ и остается основой ихъ политическаго быта. Раздѣленіе аристократіи и демократіи характеризуетъ собою начальную исторію любой общины древняго міра: аѣинскіе эвпатриды и ѳеты, римскіе патриціи и плебеи повторялись во всѣхъ городахъ Эллады и Италіи подъ тѣми или другими названіями, такъ что классическая исторія представляетъ изъ себя непрерывную борьбу аристократіи и демократіи: борьба эта идетъ въ предѣлахъ одного города, она переносится на болѣе широкую арену, когда союзники начинаютъ добиваться тѣхъ же правъ, которыя принадлежатъ гражданамъ главы союза, находящимся въ привилегированномъ по отношенію къ нимъ положеніи. Въ VII вѣкѣ происходятъ смуты въ Аѣинахъ вслѣдствіе тиранническаго господства эвпатридовъ, но только цѣлый рядъ законовъ Солона, Клисѳена, Аристиды, Эфіальта устранилъ къ эпохѣ Перикла (V в.) всякое различіе между аристократіей и демократіей. Въ Римѣ за 500 лѣтъ до Р. Х. плебен, включенные въ составъ государства Сервіемъ Тулліемъ, въ продолженіе двухъ столѣтій ведутъ борьбу съ патриціями за равноправность. Такъ называемая союзническая война (*bellium sociale*) въ Римѣ (90—88 до Р. Х.) была не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ желанія союзныхъ городовъ добиться для себя правъ, одинаковыхъ съ гражданами римскими. Извѣстно, что пелопонесская война (431—404) была не только борьбой Аѣинъ съ Спартою, но и аристократіи съ демократіей. Въ античной исторіи эта борьба и связанные съ нею перевороты играютъ весьма видную роль. Велась она, съ одной стороны, за гражданскую равноправность, съ другой,—за самое широкое участіе всякаго гражданина въ управленіи своимъ отечествомъ: одно дѣло—одинаковое для всѣхъ право, отсутствіе привилегій, другое—народное самодержавіе, но обѣ эти стороны античной демократіи были болѣе или менѣе связаны, хотя входили въ разномъ

количествъ въ политическія формы отдѣльныхъ государствъ: Римская имперія создала, напр., изъ всѣхъ свободныхъ людей, ее населявшихъ, громадное общество, пользовавшееся одинаковыми гражданскими правами; Аѳинская республика осуществила въ самыхъ широкихъ размѣрахъ принципъ народовластія въ смыслѣ непосредственнаго участія гражданъ въ дѣлахъ государства, такъ что каждый аѳинянинъ сдѣлался, такъ сказать, частицей верховной власти, ибо истиннымъ государемъ Аѳинъ было народное вѣче (ἐκκλησία).

Государственный бытъ древнихъ, при такомъ постоянномъ участіи гражданъ въ дѣлахъ государства, былъ немислимъ безъ существованія рабства, и рабство пережило самое паденіе античнаго міра. Гражданинъ былъ поглощенъ общественными дѣлами, войной, религіозными праздниками и играми, военными и гимнастическими упражненіями; работать за него долженъ былъ человѣкъ несвободный, рабъ. Свободный человѣкъ даже считалъ физическій трудъ для себя унижительнымъ; спартанскій законъ предписывалъ гражданину праздность, ибо занятіе какимъ-либо частнымъ дѣломъ отвлекало отъ служенія отечеству. Гелоты въ Спартѣ составляли пять шестыхъ населенія; въ цвѣтуцій періодъ Аѳинской республики число рабовъ превышало въ ней число всѣхъ свободныхъ жителей; масса рабовъ въ Римѣ, вскорѣ послѣ великихъ завоеваній, превосходила всякія вѣроятія: Плиній говоритъ позднѣе о цѣлыхъ *легионахъ* рабовъ у одного человѣка, Сенека о цѣлыхъ ихъ *націяхъ*. Вѣчная война обращала въ рабовъ военнопленныхъ, побѣжденныхъ. Рабство, такъ сказать, срослось со всѣмъ соціальнымъ бытомъ античнаго міра. Одинъ изъ ярыхъ поклонниковъ государственнаго устройства классическихъ народовъ, Руссо, постоянно идеализировавшій политическую жизнь древняго міра, самъ сознается, что та свобода, которую онъ такъ прославляетъ у грековъ и римлянъ, была немислима безъ существованія рабства. «Какъ! — восклицаетъ онъ, — свобода не можетъ иначе поддерживаться, какъ опираясь

на рабство? Можетъ быть. Крайности сходятся... Есть такія несчастныя положенія, въ которыхъ нельзя иначе сохранить свою свободу, какъ на счетъ другихъ, гдѣ гражданинъ можетъ быть совершенно свободнымъ, если рабъ будетъ совершеннымъ рабомъ. Что касается до васъ, новые народы, — прибавляетъ онъ, — вы не имѣете рабовъ, но вы сами рабы, вы платите за ихъ свободу свою». Понятно послѣ этого, что даже великіе мыслители древняго міра находили рабство совершенно законнымъ. Вотъ, напр., слова Аристотеля: «Если бы каждое орудіе или по приказанію человѣка, или по собственному предусмотрѣнію само могло исполнять свое дѣло, подобно тому, какъ разсказываютъ о произведеніяхъ Дедала и о треножникахъ Гефеста, которые, по словамъ поэта, сами катились въ сонмъ боговъ, — такъ если бы челноки сами ткали, а плектры сами играли на киварѣ, тогда бы мастерамъ не было никакой нужды въ слугахъ, а господамъ — въ рабахъ... Отсюда ясно, какова природа раба и какового значеніе. Кто, будучи человѣкомъ, по природѣ своей принадлежитъ не себѣ, но другому, тотъ рабъ по самой своей природѣ... Если нѣкоторые люди настолько рознятся отъ другихъ, насколько тѣло рознится отъ души, животное отъ человѣка (а таковы всѣ люди, занятіе которыхъ состоитъ только въ тѣлесномъ трудѣ и для которыхъ это занятіе самое лучшее), — то они рабы по самой природѣ, и лучшая ихъ доля такова, чтобы быть въ подчиненіи той же самой власти, какой подчиняются тѣло и животныя. По природѣ рабъ тотъ, кто можетъ принадлежать другому (потому рабъ дѣйствительно принадлежитъ другому), и тотъ, кто настолько лишь причастенъ разума, чтобы понимать разумное, а не настолько, чтобы самому обладать разумомъ... Природа, желая установить такое различіе между свободными и рабами, дѣлаетъ различіе и между самими ихъ тѣлами. Тѣла рабовъ сильны, такъ что они могутъ быть употребляемы на разныя работы, необходимыя въ жизни; а тѣла свободныхъ не согбенны и не способны на такія работы; зато свободные люди годны для

политической жизни, которая является въ двухъ видахъ, какъ дѣятельность воинская и какъ дѣятельность мирная... Необходимо признать, что нѣкоторые люди всегда рабы, а другіе никогда. Точно такимъ же образомъ слѣдуетъ разсуждать и о благородствѣ происхожденія. Нѣкоторые думаютъ о самихъ себѣ, какъ о грекахъ, что они благородны не только въ своей странѣ, но и во всѣхъ другихъ мѣстахъ; варвары же, по ихъ мнѣнію, благородны только у себя дома, потому что одни люди безусловно благородные и безусловно свободные, а другіе таковы только подъ условіемъ... Очевидно, что одни по природѣ рабы, а другіе по природѣ свободны. Въмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что это различіе господства и рабства рѣзко выступаетъ въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, именно тѣхъ, изъ которыхъ одному полезно быть рабомъ, а другому господиномъ. Въ этомъ случаѣ справедливо и нормально, чтобы одинъ былъ въ подчиненіи, а другой властвовалъ силой той власти, которую онъ имѣетъ по своей природѣ, т.-е. властью господина». Итакъ, Аристотель основываетъ рабство на самой природѣ: социальный институтъ тутъ не что иное, какъ гражданское узаконеніе того природнаго неравенства, которое будто бы существуетъ само по себѣ. Это напоминаетъ собою браманское ученіе о кастахъ, неравенство между коими установлено самимъ божествомъ, но у грековъ и римлянъ теологическія идеи не имѣли такой силы: если человѣкъ низшей касты въ Индіи, шудра, долженъ былъ вѣчно оставаться шудрой (иначе это было бы передѣлкой порядка, установленнаго божествомъ), то законы классическихъ народовъ допускали освобожденіе рабовъ и тѣмъ самымъ признавали, что рабству можетъ быть положенъ конецъ.

Въ сущности, въ древнѣйшій періодъ рабъ не признавался за человѣка. Философы античнаго міра говорили много прекрасныхъ вещей о душѣ человѣка, ея способностяхъ и доблестяхъ, но все это касалось только человѣка свободнаго: гражданская свобода была для нихъ не только признакомъ гражданина, но и чело-

вѣка вообще. Рабы передъ закономъ были не лица, не *personae*, а тѣла (*σώματα οἰκτιρὰ*) или, какъ учили римскіе юристы, простые вещи (*res*). Если ихъ и причисляли къ людской породѣ, то въ качествѣ особаго, низшаго рода, *quasi secundum hominum genus*. По отношенію къ рабу не существовало никакого права. Законъ не ограждалъ его отъ произвола господина; рабство и смерть были понятія равнозначущія: *servitute[m] mortalitati fere comparamus*, говорилъ римскій юристъ Ульпіанъ. Но античная жизнь была вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ идеи равенства. Самъ Аристотель въ приведенномъ мѣстѣ полемизируетъ съ тѣми, которые думаютъ, что «пользоваться господскою властью противуестественно, потому что рабъ и свободный таковы будто бы только по закону, а по природѣ они ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга», и которые говорятъ, что «власть господина надъ рабомъ, какъ власть, основанная на силѣ, несправедлива». Къ концу древней исторіи мнѣніе, оспаривавшееся Аристотелемъ, сдѣлалось общимъ мѣстомъ у философовъ (особенно позднѣйшихъ стоиковъ), юристовъ и поэтовъ. Въ политикѣ обнаруживается то же движеніе: въ Аѳинахъ вольноотпущенный еще не могъ попасть въ число гражданъ, а вступалъ въ классъ метэковъ, а часть этого класса представляла изъ себя, вѣроятно, нѣчто въ родѣ крѣпостнаго состоянія, и во всякомъ случаѣ онъ находился внѣ гражданской общины; но въ Римѣ мало-по-малу вольноотпущенный дѣлался самъ гражданиномъ, хотя и съ ограниченными правами. Римскіе императоры стали даже вмѣшиваться законодательнымъ путемъ въ отношенія между господами и рабами.

Но на этомъ и остановился античный міръ. Онъ не дошелъ до признанія на практикѣ полного юридическаго равенства между людьми. Я позволю себѣ привести здѣсь то, что писалъ прежде по этому же поводу *).

*) Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. Москва, 1879. Стр. 262—263.

ками равенства всѣхъ людей были религіозныя ученія, отрѣшившіяся отъ національных рамокъ, чтобы говорить всему человечеству. Такими ученіями были на Востокѣ буддизмъ, на Западѣ—христіанство. Но обѣ эти религіи были религіями не отъ міра сего, явившимися не для передѣлки соціальныхъ отношеній, и равенство, которое онѣ проповѣдывали, было только равенствомъ религіознымъ. Рабство противорѣчило этой идеѣ, но не во внѣшнемъ, матеріальномъ смыслѣ была понята здѣсь свобода, а во внутреннемъ, моральномъ смыслѣ свободы отъ грѣха, отъ рабства страстямъ. На точкѣ зрѣнія этой же внутренней свободы стояли и многіе философы древности. Тутъ стоицизмъ установилъ понятія о моральномъ рабствѣ и о внутренней свободѣ и совѣтовалъ рабамъ подняться выше своего состоянія, бывшаго въ его глазахъ простою безразличною случайностью и неспособнаго угнетать духъ мудреца. «Онъ рабъ,—восклицаетъ Сенека,—но духомъ, можетъ быть, свободенъ.—*Пусть тѣла,*—говоритъ онъ еще, —*принадлежатъ господамъ:* мысль полноправна и свободна». — «Кто настоящіе рабы?» спрашиваетъ Эпиктетъ и отвѣчаетъ: «всѣ тѣ люди, которые глядятъ на внѣшнія вещи, какъ на благо, ибо они зависятъ отъ этихъ вещей и людей, обладающихъ этими вещами. Какія существа истинно свободны? Тѣ, которыя не находятся въ зависимости отъ внѣшнихъ вещей, *они свободны, когда даже тѣла ихъ во власти другаго.* Вотъ единый путь, ведущій къ свободѣ». Поэтому и Сенека, и Эпиктетъ одинаково заявляютъ, что ихъ ученіе вовсе не клонится къ уничтоженію рабства, такъ что равенство людей, о которомъ они учили, было болѣе теоретическимъ. Это особенно видно у римскихъ юристовъ временъ имперіи. Находясь подъ сильнымъ влияніемъ стоической школы, они, подобно философамъ, признавали равенство всѣхъ людей и естественную ихъ свободу, но, подобно же философамъ, не выводили отсюда практическаго результата—освобожденія рабовъ. «По естественному праву,—говоритъ Ульпіанъ,—всѣ родятся свободными; *въ гражданскомъ*

правъ рабы считаются за ничто, но не такъ въ правѣ естественномъ, ибо по этому послѣднему праву всѣ люди рождаются свободными. Только съ общенароднымъ правомъ (*jus gentium*) возникло рабство». Но мало ли что существуетъ и требуется *jure naturali*, и если *jus naturale* отрицаетъ рабство, то вѣдь положительнымъ правомъ остаются права общенародное и римское (*jus gentium* и *jus civile*), а они оба признаютъ рабство. Поэтому юристы эпохи Римской имперіи и не думали реализовать требованія естественнаго права. Принципы, на основаніи которыхъ отрицалось рабство въ классическомъ мірѣ, такимъ образомъ сводятся къ двумъ категоріямъ: 1) въ естественномъ состояніи всѣ люди равны, и свобода составляетъ естественное право человека, но поскольку существуетъ гражданская жизнь, управляющаяся своими особыми законами, существуетъ и рабство, признаваемое въ частности и римскимъ правомъ, и правомъ всѣхъ народовъ. Такъ разсудили юристы, встрѣтившись въ этомъ отношеніи съ 2) философами-моралистами, которые вводили въ вопросъ понятіе о внутренней свободѣ: эта внутренняя свобода не противорѣчитъ существованію рабства, а съ моральной точки зрѣнія внѣшняя свобода имѣетъ даже мало цѣны. Ученіе о равенствѣ людей, и юристы, признававшіе свободу всѣхъ людей въ теоріи, и моралисты, говорившіе о свободѣ внутренней, были далеки отъ мысли провести въ дѣйствительность то, что существовало въ умозрѣніи, и свободу внутреннюю дополнить свободой внѣшнею... Такимъ образомъ ни юридическій принципъ всеобщей равноправности въ естественномъ состояніи, ни стоическій принципъ способности всѣхъ къ моральному развитію... не требовали уничтоженія рабства... Вліяніе ихъ, однако, было несомнѣнно уже по одному тому, что вслѣдствіе этихъ принциповъ рабъ изъ вещи, изъ тѣла, какъ говорили греки, изъ простаго орудія производства сдѣлался моральною личностью, въ которой и государство признало человѣческія права. И только на основѣ этого *моральнаго освобожденія* раба возможно стало

освобождение юридическое, завѣщанное древними для выполнения новой Европѣ. Это моральное освобождение заключалось въ томъ, чтобы рабъ, какъ желалъ Цицеронъ, безъ освобожденія юридическаго пользовался тѣмъ же обращеніемъ, какъ и свободный наемитъ. Къ этому, дѣйствительно, и сводятся все практическіе выводы изъ разсмотрѣнныхъ принциповъ естественнаго и моральнаго равенства людей, — равно какъ изъ позднѣйшаго религіознаго принципа христіанства о равенствѣ всехъ передъ Богомъ. Какъ ни распространены были въ Римской имперіи отпущенія рабовъ на волю, въ этихъ отпущеніяхъ не было и слѣда системы, которая должна была бы привести къ полному уничтоженію рабства: это были акты частной воли господъ, и даже существовали законы для ограниченія такихъ актовъ. Съ другой стороны, какъ ни вмѣшивалось императорское законодательство въ отношенія господъ къ рабамъ, тѣмъ не менѣе устами Антонина оно объявило, что вовсе не думаетъ отнимать права у господъ: *dominorum quidem potestatem in suos servos illibatam esse oportet, nec cuiquam hominum jus suum detrahi*. Но и то, что было сдѣлано, было прогрессомъ. Античный міръ не дошелъ до мужественнаго рѣшенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, прекратившихъ у себя рабство негровъ силою законодательнаго акта, хотя онъ купленъ былъ цѣною междоусобія сѣверныхъ и южныхъ штатовъ; но этотъ міръ все-таки выработалъ къ концу своего существованія иной взглядъ на раба, нежели тотъ, который господствовалъ въ началѣ исторіи и былъ всегда распространенъ въ большей части восточныхъ государствъ. Прежде чѣмъ была исполнена задача, ставшая дѣломъ новой Европы, античному міру не мало пришлось поработать надъ тѣмъ, чтобы установить равенство между членами одной гражданской общины и между свободнымъ населеніемъ отдѣльныхъ націй, вошедшихъ въ составъ Римской имперіи.

Отмѣчая этотъ процессъ въ исторіи античнаго міра, мы не упоминали еще объ одномъ явленіи, общемъ политической жизни

греческихъ и итальянскихъ государствъ. Первоначальное неравенство въ этихъ гражданскихъ общинахъ было основано на происхожденіи. Переходъ къ полной демократіи совершался большею частью чрезъ тимократію, основанную на имущественномъ неравенствѣ. Солонъ въ Аѣинахъ ввелъ раздѣленіе гражданъ на четыре класса по получаемому ими доходу, безотносительно къ происхожденію отдѣльныхъ лицъ, и установилъ этимъ градацію въ пользованіи политическими правами: напр., только первый классъ пользовался доступомъ къ высшимъ должностямъ. Такой же принципъ легъ въ основаніе римской конституціи Сервія Туллія: патриціи и плебеи по величинѣ своего имущества были раздѣлены на пять классовъ съ подраздѣленіемъ на центуріи, которыя были равны между собою не по числу членовъ, а по суммѣ своего имущества, причемъ каждой центуріи принадлежалъ одинъ голосъ въ центуріатныхъ комиціяхъ: центуріи перваго класса были малочисленнѣе, чѣмъ центуріи остальныхъ, но болѣе половины всехъ центурій (98 изъ 193) составляли первый классъ, такъ что преобладаніе на комиціяхъ принадлежало богатымъ. Самые бѣдные граждане (пролетаріи) имѣли только одинъ голосъ въ центуріатныхъ комиціяхъ. Бѣдность часто была исключена не только изъ пользованія политическими правами, но и изъ участія въ войскѣ. Въ Спартѣ обѣднѣвшіе граждане прямо даже должны были выходить изъ гражданской общины. Случалось, что это новое неравенство падало съ теченіемъ времени, и въ Аѣинахъ, напр., во времена Перикла, чтобы бѣднѣйшіе граждане могли участвовать въ экклесіи, въ судѣ, въ театральнхъ зрѣлищахъ, имъ выдавали изъ казны деньги. Но вообще античная исторія полна борьбы между оптиматами и пролетаріями, и бѣдные вездѣ стремятся къ обладанію тѣми же политическими правами, которыя сначала давало только богатство. Демократическое равенство знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ гражданъ, однако, съ исключеніемъ всехъ постороннихъ элементовъ и съ совершеннымъ подчиненіемъ рабовъ ихъ господамъ

было послѣднею цѣлью стремленій античнаго общества въ эпоху полного процвѣтанія республиканскаго начала.

Мы познакомились съ замкнутою извнѣ и ограниченою внутри первоначальною гражданскою общиною грековъ и римлянъ. Мы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, какія особенности отличаютъ политическій бытъ античнаго міра отъ быта новыхъ европейскихъ народовъ. Перейдемъ теперь къ обзорѣ ихъ международныхъ отношеній и того объединенія, которое между ними совершалось.

VII.

Международныя отношенія и объединеніе міра.

При полной внутренней самостоятельности каждого города, отношенія между отдѣльными общинами сначала не могли быть иныя, какъ международныя. Греція вступила въ исторію раздѣленною на множество мелкихъ государствъ, весьма слабо соединенныхъ даже религіей. Въ Іудеѣ, имѣвшей теократическій строй, вѣра въ Іегову объединяла отдѣльныя племена или колѣна въ одну національность, а въ Греціи и національное чувство развилось сравнительно поздно, да и тогда нація была раздѣлена на враждебныя племена, изъ которыхъ іоняне и доряне были въ вѣчной борьбѣ. Только такія общія религіозныя учрежденія, какими были прорицаище Аполлона въ Дельфахъ, олимпийскія и другія игры и амфиктіоновъ союзъ, представляли изъ себя зародыши нѣкотораго единства, да общія опасности, какъ во время нашествія персовъ, заставляли часть грековъ временно соединяться для взаимной защиты. Вышедши съ успѣхомъ изъ трудной борьбы съ персами, греки почувствовали нравственное надъ ними превосходство, и эта гордость своими преимуществами сдѣлалась потомъ для грековъ основой ихъ общенациональнаго чувства.

Когда начались въ Греціи такъ называемыя гегемоніи сначала Спарты, потомъ Аѣинъ, т. е. постановка мелкихъ республикъ подъ предводительство болѣе сильныхъ, то послѣднія совсѣмъ не стремились къ объединенію Эллады на началахъ равноправности: и Спарта, и Аѣины мечтали только о собственномъ могуществѣ, о своемъ господствѣ надъ остальными городами. То же мы можемъ сказать и о Римѣ: онъ сталъ во главѣ племени латиновъ, къ коему принадлежали его жители, еще при третьемъ своемъ царѣ Туллѣ Гостилии, а въ 338 г. до Р. Х. окончательно утвердилъ свою гегемонію въ Лаціумѣ и вскорѣ распространилъ свою власть и во всей Италіи, но только черезъ два вѣка и то вслѣдствіе союзнической войны сравнялъ права итальянскихъ народцевъ съ правами своихъ гражданъ. Завоеванія у древнихъ имѣли вообще характеръ подчиненія одного народа другому, а не сліянія обоихъ въ одно болѣе крупное политическое тѣло. У побѣжденныхъ отбиралась земля, сами они становились подданными, крѣпостными или рабами завоевателей. Такой результатъ имѣло, напр., вторженіе дорянъ въ Пелопонессъ, населенный до ихъ прихода ахеянами: періэки и гелоты Лаконіи были не чѣмъ инымъ, какъ покоренными ахеянами. Республики Греціи находились въ постоянной войнѣ между собою, ища добычи и завоеваній. Къ этому присоединяется борьба противоположныхъ принциповъ политическаго быта: аристократическія государства воюютъ съ демократическими. Часто завоеванный городъ даже разрушается. Этотъ порядокъ вещей продолжалъ существовать и при болѣе разившемся съ теченіемъ времени національномъ чувствѣ, и при установленіи частныхъ союзовъ между городами, хотя первобытное варварство и стало мало-по-малу смягчаться подъ вліяніемъ болѣе гуманныхъ идей, которыя вырабатывали передовые умы Греціи. Впрочемъ, идеалъ здѣсь не всегда соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Во время пелопоннесской войны, когда греческая образованность стояла уже очень высоко, аѣиняне и спартанцы соперничали въ же-

стокости къ побѣжденнымъ: когда городъ Митилена (на островѣ Лесбосѣ), принадлежавшій къ аѳинскому союзу, перешелъ на сторону Спарты и аѳиняне имъ завладѣли, то полководцу Пахесу было послано предписаніе перебить всѣхъ жителей, способныхъ носить оружіе, а ихъ женъ и дѣтей продать въ рабство; предписаніе это не было приведено въ исполненіе только потому, что аѳиняне опомнились и ограничились казнью тысячи митиленскихъ гражданъ; спартанцы дѣлали то же, выместивъ, напр., свою злобу на союзномъ аѳинянамъ городѣ Платеяхъ, который ни за что не хотѣлъ подчиниться Ѡивамъ, союзнику Спарты: Платеи были взяты, граждане, способные носить оружіе, казнены, женщины обращены въ рабство, городъ разрушенъ и мѣсто его отдано ѳиванцамъ.

Мы сказали, какой недостатокъ имѣли греческія гегемоніи: предводительство переходило въ тираннію и потому не могло сдѣлаться прочной основой объединенія. Сначала въ Греціи гегемоніей пользовалась Спарта, потомъ во главѣ обширнаго союза греческихъ городовъ стали Аѳины, затѣмъ на первый планъ выдвинулась опять Спарта, наконецъ, гегемонія на короткое время перешла къ Ѡивамъ. Понятное дѣло, что при своекорыстіи гегемоновъ, противъ нихъ затѣвались постоянныя войны, и греки даже вмѣшались персовъ въ свои внутреннія дѣла, чтобы добиться постановленія, по которому малые города и республики были объявлены независимыми отъ большихъ (напр., бэотійскіе города отъ Ѡивъ). Поэтому разъединенная Греція сдѣлалась легкой добычей для Македоніи: послѣдняя на время навязала ей нѣкоторое единство, но едва только страхнули съ себя греки власть Македоніи, какъ началась старая исторія соперничества и войнъ. Зародился-было въ эту эпоху такъ называемый ахейскій союзъ, представлявшій изъ себя конфедерацію равноправныхъ городовъ, но это была слишкомъ поздняя попытка и не вездѣ нашла сочувствіе; противъ союза выступила Спарта. Во время спора этого города съ ахейскимъ союзомъ, обѣ спорящія стороны сами вмѣ-

шали римлянъ въ свою распрю, и римляне воспользовались этимъ, чтобы присоединить Грецію къ своимъ уже въ то время обширнымъ владѣніямъ.

Конфедераціи были ранѣе знакомы грекамъ, но онѣ не имѣли того значенія, какое играетъ въ исторіи конфедерація ахейская: это были либо чисто-религіозные союзы, какимъ былъ, напр., союзъ двѣнадцати іонійскихъ колоній въ Малой Азіи, либо политическіе, но подъ гегемоніей одного города, что можно сказать, напр., о временномъ объединеніи части грековъ подъ верховенствомъ Аѳинъ. Греческій историкъ Полибій говоритъ, что нельзя было найти нигдѣ бѣльшаго равенства и бѣльшей свободы, какъ именно въ ассоціаціи ахейскихъ городовъ. Основатели лиги не сохранили за собой никакихъ привилегій, не устроили главенства въ свою пользу: города, вошедшіе послѣдними въ конфедерацію, получали тѣ же права, что и ранѣе вступившіе. Сохраняя внутреннюю независимость, они имѣли общее правительство, рѣшавшее споры между городами, завѣдывавшее общей казной и общей арміей, примѣнявшее общее право. У ахейскаго союза были одинаковые вѣсъ и мѣра, одинаковые сановники. Въ этотъ союзъ вступили даже Аѳины, но дни его были сочтены, и Греція не осуществила своего объединенія.

Но за то, благодаря завоеваніямъ Александра Македонскаго, который подчинилъ своей власти обширную Персидскую монархію, совершилось объединеніе народовъ Востока въ культурномъ отношеніи при помощи распространенія эллинизма. Греки и тутъ, однако, выказали свою исключительность. Негодованіе Демосфена въ его страстныхъ рѣчахъ, направленныхъ противъ александра отца Филиппа, стремившагося къ подчиненію Греціи своей власти, возбуждалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что варваръ, который долженъ былъ бы быть рабомъ грековъ, осмѣливается мечтать о господствѣ надъ ними. Величайшій современникъ знаменитаго оратора, бывшій учителемъ великаго завоевателя Востока, Аристотель, проповѣдывалъ презрѣніе къ вар-

варамъ, считая ихъ и рабовъ за одно и то же по своей природѣ: ταυτὸ φύσει βάρβαρον καὶ δοῦλον. Александръ не раздѣлялъ взглядовъ политическаго противника своего отца, Демосфена, и своего философскаго наставника, Аристотеля. — взглядовъ, которые однако были присущи всей Греціи и гораздо позднѣе, когда на смѣну македонскаго владычества пришло римское. Онъ хотѣлъ слить побѣдителей и побѣжденныхъ, не дѣлая между ними разницы, и хотя эта его попытка не удалась, хотя созданная имъ монархія разсыпалась по его смерти, чтобы собраться воедино только подъ державною властью Рима, тѣмъ не менѣе его походы были началомъ распространенія космополитическаго эллинизма на Востокъ. Построенная имъ въ Египтѣ Александрія сдѣлалась центромъ греческаго образованія, гдѣ «Востокъ и Западъ вели между собою вѣковую бесѣду». Здѣсь началось соприкосновеніе греческой и египетской религій, которое повело къ смѣшенію двухъ языческихъ культовъ; священное писаніе евреевъ было переведено здѣсь на греческій языкъ, и эллинизированные иудеи сдѣлались первыми проводниками греческой философіи въ религіозныя вѣрованія Востока. На крайнихъ предѣлахъ александровой монархіи греки вошли въ сношенія съ Индіей, и слава греческой философіи достигала до дворовъ индусскихъ раджъ. Одинъ армянскій царь писалъ рѣчи, исторіи, трагедіи на греческомъ языкѣ. Цѣлые вѣка языкъ этотъ былъ въ употребленіи въ политикѣ, литературѣ и торговлѣ. Греческія произведенія переводились на персидскій языкъ при Нуширванѣ. Халдейскій жрецъ Берозъ и египетскій жрецъ Манеонъ писали по гречески каждый исторію своей страны. Словомъ, греки сдѣлались цивилизаторами Востока, поскольку послѣдній былъ способенъ къ воспріятію эллинизма, а впоследствии, черезъ посредство эллинскаго языка, распространилась по міру проповѣдь возникшаго на Востокѣ христіанства, и сами основныя книги новой религіи были написаны на этомъ же языкѣ. Съ другой стороны, греки цивилизовали своихъ побѣдителей — римлянъ, которые осуще-

ствили въ классическомъ мірѣ идею государства, выходящаго за предѣлы гражданской общины.

Римъ въ началѣ своей исторической карьеры былъ похожъ на любую городскую общину античнаго міра, такъ что безъ подробнаго изученія исторіи этой общины должно показаться страннымъ, почему въ такой массѣ республикъ Греціи и Италіи нашлась лишь одна, которая оказалась способной покорить всѣ другія и подчинить себѣ не только сосѣднихъ варваровъ, но и отдаленныя страны культурнаго Востока. Сначала и римлянамъ суждено было постоянно воевать съ окружавшими ихъ итальянскими республиками, причѣмъ и у нихъ существовала та же исключительность по отношенію къ иностранцамъ, какую мы наблюдаемъ въ международныхъ, правильнѣе сказать — въ междугородовыхъ отношеніяхъ греческихъ общинъ. Такъ какъ война была естественнымъ состояніемъ сосѣднихъ городовъ, то и тутъ нужно было прибѣгать къ спеціальнымъ договорамъ, чтобы житель другого города имѣлъ какія-либо права въ своихъ отношеніяхъ къ римлянамъ. Если первоначально браки между патриціями и плебеями въ самомъ Римѣ были запрещены, то не могло, конечно, существовать *connubii* между жителями Рима и жителями другихъ итальянскихъ общинъ. Подобно республикамъ Греціи, Римъ распространялъ свою власть посредствомъ завоеваній или заключая такіе союзы съ другими городами, въ которыхъ выговаривалъ себѣ первенствующую роль. При третьемъ своемъ царѣ, Туллѣ Гостилии, онъ вступилъ въ борьбу съ главою латинскихъ городовъ Альбалонгой; послѣ побѣды надъ альбанами римляне разрушили покоренный городъ, а жителей его перевели въ Римъ. Латины должны были признать римскую гегемонію, но когда при слѣдующемъ царѣ Анкѣ Марціи они отложились отъ союза, заключеннаго съ Тулломъ Гостиліемъ, началась новая война, окончившаяся покореніемъ многихъ городовъ, жители коихъ были также переведены въ Римъ. Они вошли въ составъ римскаго плебса, т.-е. заняли въ республикѣ мѣсто внѣ

собственно гражданской общины. Но Римъ пошелъ и далѣе. Когда самниты въ срединѣ IV вѣка напали на богатую этрусскую колонію Капуя, граждане послѣдней обратились за помощью къ римлянамъ, и тѣ согласились ихъ защищать, лишь только капуанцы объявили, что они отдають свой городъ и народъ во власть Рима. Самнитскія войны открываютъ собою періодъ великихъ завоеваній въ римской исторіи: онъ начинается въ ту эпоху (около 350 года до Р. Х.), когда Греція должна была подпасть подъ македонское владычество, и кончается около того времени (140 г. до Р. Х.), когда завоевана была римлянами и сама Греція. Это была пора паденія древняго исключительнаго патріотизма: родной городъ любили не чисто стихійною любовью прежнихъ гражданъ, а за его учрежденія, если они приходились по вкусу; если они не нравились, то гражданинъ предпочиталъ отечеству другой городъ, гдѣ господствовали нравившіяся ему учрежденія. Въ эпоху пелопоннесской войны въ Греціи боролись не только Спарта и Аѣины, не только іоняне и доряне, но и аристократическія учрежденія съ демократическими: поэтому у Аѣинъ были сторонники среди гражданъ враждебнаго союза, какъ у Спарты — среди гражданъ городовъ, стоявшихъ на сторонѣ Аѣинъ. Подъ конецъ мало въ Греціи было такихъ гражданъ, которые не были бы готовы пожертвовать независимостью своей общины, лишь бы добыть себѣ конституцію, соотвѣтствовавшую ихъ понятіямъ и интересамъ: при Филиппѣ Македонскомъ аристократы всѣхъ городовъ отъ души желали македонскаго владычества; во времена ахейскаго союза на сторонѣ этого союза стояли поборники аристократіи, тогда какъ уже демократы теперь готовы были на македонское владычество. Не лучше шли дѣла въ Италіи, гдѣ была такая же рознь въ отдѣльныхъ городахъ, гдѣ каждый охотно приставалъ къ чужому городу, чтобы дать перевѣсъ своимъ мнѣніямъ или интересамъ у себя дома. Это разложеніе общиннаго быта было на руку римлянамъ, вездѣ подерживавшимъ аристократію и весьма ловкой политикой распро-

странявшимъ свое вліяніе на города Италіи, чѣмъ и облегчали свои завоеванія. Когда господину Италіи грозила страшная бѣда отъ нашествія Аннибала, взволновались всѣ итальянскіе города; карфагенскій полководецъ стремился отвлечь ихъ отъ союза съ Римомъ, но вездѣ аристократическіе элементы стояли за вѣчный городъ въ то время, какъ плебсъ былъ на сторонѣ Карфагена. При такомъ внутреннемъ разъединеніи невозможно было не подпасть чужой власти. Мало того: римское завоеваніе не устанавливало однообразнаго положенія для покоренныхъ; принимая ихъ подъ свою власть и въ союзъ съ собою на весьма различныхъ основаніяхъ, такъ что одному городу давались привилегіи, которыхъ не имѣлъ другой, Римъ стремился разъединить ихъ интересы. *Divide et impera* было девизомъ римской политики. Одни города управлялись своими выборными властями, другіе получали правителей изъ Рима; граждане однихъ пользовались римскимъ правомъ, но безъ участія въ римскихъ народныхъ собраніяхъ (*civitas sine suffragio*), другіе не могли пріобрѣтать собственности по римскому праву (*jus commercii*) и вступать въ бракъ съ римскими гражданками (*jus connubii*).— Еще легче было для Рима завоеваніе странъ Востока; тамошніе народы, жившіе подъ деспотическою властью еще при національныхъ правительствахъ, привыкли издавна мѣнять одно чужеземное господство на другое: Египетъ, напр., подпадавшій сначала власти царей-пастырей (гиксовъ), подвергавшійся потомъ на короткое время ассирійскому завоеванію, въ 525 году сдѣлался провинціей Персидской монархіи и оставался ею около двухсотъ лѣтъ, хотя и возстановлялъ на полстолѣтіе (406—345) свою независимость,—потомъ перешелъ изъ рукъ персовъ въ руки македонскаго завоевателя (332), затѣмъ былъ подъ властью династіи александра полководца Птолемея и подъ вліяніемъ греческой культуры, пока не достался римлянамъ въ 30 г. до Р. Х. Всѣ виѣтальянскія земли, завоеванныя римлянами, сдѣлавшіеся «провинціями», попали подъ абсолютную власть горо-

довой республики, покорившей міръ. Провинціалы даже не были союзниками на манеръ итальянцевъ, хотя и у послѣднихъ именемъ союза прикрывалось римское господство. Провинціи составляли уже прямо добычу *ropuli romani*, не имѣли самоуправленія, *de jure* лишались своей земли, становившейся собственностью державнаго города, обогащали казну этой республики наложенными на нихъ податями.

Tu regere imperio populos, Romane, memento!

Haec tibi erunt artes: pacisque imponere morem,

Parcere subjectis et debellare superbos, —

и Римъ хорошо выполнялъ эту задачу. Такимъ образомъ, совершая свои завоеванія, Римская республика не расширялась, какъ таковая. Народы не вступали въ римское государство, какъ это дѣлается въ наше время, когда съ присоединеніемъ новыхъ областей государство расширяетъ свои границы. Гражданами оставались только потомки гражданъ прежней римской общины; ея территория (*ager romanus*) не увеличивалась ни на одну пядь земли. Распространялось только римское державство (*imperium romanum*). Подъ этимъ имперіемъ были подданные (*dedititii*), которые лишались всего, жили безъ обязательныхъ учреждений, безъ законовъ, безъ магистратовъ, и только власть римскаго намѣстника поддерживала между ними порядокъ. Если союзники (*socii*) и сохраняли свои конституціи, свои выборныя власти, свои законы, то обязаны были блюсти при этомъ величіе римскаго народа (*majestatem P. R.*), бывшее въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ опекой римскихъ властей. *Imperium*, поручавшійся надъ провинціями проконсуламъ, былъ не чѣмъ инымъ, какъ временнымъ отчужденіемъ власти Рима надъ завоеванной землей въ руки какого-либо гражданина: послѣдній былъ не только правителемъ, но и законодателемъ, ибо римское право существовало лишь для гражданъ, а неграждане были

перегрины, собственныхъ законовъ которыхъ Римъ не признавалъ. Свое право и свои учрежденія сохраняла *de jure* только одна гражданская община, остальные со стомилліоннымъ населеніемъ жили подъ имперіемъ этой общины и ея прикащиковъ. — Понятно, что званіе римскаго гражданина сдѣлалось предметомъ пламенныхъ желаній для подвластныхъ народовъ: получить это званіе было однимъ средствомъ выйти изъ-подъ суроваго имперія, получить права и что-либо значить, но побѣдителямъ не приходило въ голову дать эти права побѣжденнымъ. Совсѣмъ исключительнымъ однако Римъ не былъ: ранѣе всего каждый латинъ, исполнявшій какую-либо должность въ своемъ городѣ, по окончаніи срока службы становился римскимъ гражданиномъ; послѣ союзнической войны (90 — 88 до Р. Х.) всѣ итальянцы добились права римскаго гражданства, вся Италія превратилась въ *ager romanus*, гражданская община расширилась въ цѣлую страну, и имперій уже былъ не за предѣлами городской земли, а за предѣлами всей Италіи. Такъ только въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. совершился великій переворотъ превращенія римскаго государства изъ городской общины въ цѣлую страну, что, конечно, не могло не отразиться на внутреннемъ строѣ политической жизни самого Рима. Затѣмъ на очереди стояли провинціи. Въ нихъ также существовали нѣкоторые привилегированные города, имѣвшіе муниципальное устройство итальянскихъ союзниковъ; въ Галліи и Испаніи заводи́ли его сами римляне, считая невозможнымъ управлять провинціями однимъ имперіемъ своихъ намѣстниковъ, въ Греціи городской бытъ былъ и безъ того развитъ, и римляне его не уничтожили. Жители такихъ городовъ также всячески стремились попасть въ число римскихъ гражданъ, и кто этого достигалъ, тотъ граждански и политически уже не принадлежалъ къ родному городу, былъ для него чужимъ человекомъ, попадая, однако, вмѣстѣ съ этимъ въ число господъ міра. Этотъ процессъ перехода провинціаловъ въ римскіе граждане совершался весьма медленно, когда Римъ оста-

вался республикой, но въ Римѣ произошелъ переворотъ: имперій надъ провинціями достался одному лицу, которое державный городъ облекъ этою властью надъ провинціями, и которое съумѣло достигнуть преобладающаго значенія и въ самой республикѣ. Ставъ и надъ Римской республикой, и надъ ея подданными, цезари, эти новые владыки міра, начали сглаживать гражданское и политическое различіе между римлянами и подданными народами, пока въ III вѣкѣ по Р. Х. права римскаго гражданина не были распространены на все свободное населеніе провинцій. Римскіе граждане съ этой поры были такимъ образомъ разбѣяны по всему міру; самъ Римъ пересталъ быть владыкою вселенной, отчудивъ отъ себя имперій надъ провинціями въ руки верховнаго магистрата республики, и превратился изъ державной городской общины въ простую столицу обширнаго государства. Всѣ свободные жители этой имперіи сдѣлались римлянами, существовало только одно отечество, одно правительство, одно право. Древній міръ былъ объединенъ; народы какъ бы сливались въ одинъ, ища греческой образованности и римскаго права. вмѣстѣ съ этимъ происходило религіозное объединеніе въ томъ синкретизмѣ, который смѣшивалъ боговъ Греціи и Рима, Востока и Запада въ одну общую систему. Философія шла по тому же пути, объявляя, что всѣ люди равны, и что весь міръ есть отечество мудреца. Только на почвѣ такого космополитизма гражданского, политическаго и религіознаго могла приняться религія, не связанная ни съ какой національностью, ни съ какой гражданской общиной. Такой религіей было христіанство, и оно не могло бы утвердиться въ Римской имперіи, еслибы учрежденія и вѣрованія послѣдней не развили чувствъ общечеловѣчности, лежавшихъ въ основѣ новой религіи.

VIII.

Прогрессъ въ древней исторіи.

Древнимъ чужда была идея прогресса, составляющая душу философіи исторіи въ новое время; тѣмъ не менѣе прогрессъ совершался въ древней исторіи: античный міръ стоялъ неизмѣримо выше монархій Востока; въ началѣ онъ былъ неизмѣримо ниже того, что представляетъ изъ себя въ концѣ. На Востокѣ не могло быть такого движенія впередъ, ибо религіозный догматизмъ, выдававшій существующее за порядокъ, который установленъ самими богами и потому не подлежитъ измѣненію, и политическій деспотизмъ, угнетавшій духъ человѣка и сковывавшій свободную дѣятельность общества, были главными задержками прогресса, основа котораго лежитъ, однако, въ самой сущности человѣческой природы и людскаго общежитія. Греки и римляне первые пробили брешь въ господствѣ застывшей въ опредѣленныхъ формахъ традиціи и неизмѣннаго закона, и ихъ исторія открываетъ собою истинно прогрессивную исторію человѣчества. Востокъ также имѣетъ свою исторію, но она представляетъ гораздо болѣе смѣну чисто внѣшнихъ явленій, чѣмъ рядъ перемѣнъ во внутреннемъ быту общества. Достигши извѣстной степени цивилизаціи, восточные народы, такъ сказать, увѣковѣчили свои традиціи и свой социальный строй. Все приняло неизмѣнныя формы, каждый остался при своемъ, и слова *прогрессъ человѣчества* ничего не сказали бы уму восточнаго человѣка: онъ не зналъ прогресса, ибо вокругъ него все оставалось неизмѣннымъ; онъ не зналъ человѣчества, ибо видѣлъ вокругъ себя замкнутыя націи и касты. Греки и римляне также не выработали этого понятія, но они поняли бы, что такое *прогрессъ человѣчества*, если бы лучше понимали свою исторію.

Homo sum et humani nihil alienum a me puto —

это изреченіе древнихъ одно указываетъ, что античный міръ додумался до идеи человѣчности. Флоръ говоритъ въ предисловіи къ своей исторіи: «римскій народъ произвелъ столь отдаленныя завоеванія, что, читая его лѣтописи, мы знакомимся не съ исторіей одного народа, а съ *исторіей человеческого рода*». Титъ Ливій влагаетъ въ уста азіатскихъ пословъ слѣдующія слова, обращенныя къ римлянамъ: «отказываясь впредь сражаться со смертными, вы имѣете одной задачей оказывать покровительство *всему человеческому роду*». Съ идеей прогресса тѣсно связана надежда на лучшее будущее, и древніе писатели иногда выражаютъ эту надежду, замѣчая совершающіяся вокругъ перемѣны. Знаменитую четвертую эклогу Виргилія, полную неопредѣленныхъ предсказаній о золотомъ вѣкѣ, имѣющемъ наступить, первые христіане объясняли даже, какъ пророчество о Христѣ. Сравнивая настоящее съ прошедшимъ, писатели Греціи и Рима часто отмѣчаютъ сдѣланные успѣхи, хотя общимъ вѣрованіемъ тогда было то, что золотой вѣкъ лежитъ позади, и что человѣчество возвращается въ заколдованномъ кругу, въ круговоротъ ухудшеній и обновленій міра. Находясь подъ вліяніемъ представленія о золотомъ вѣкѣ, не имѣя за собою обширнаго историческаго опыта, видя вокругъ разрушеніе стараго быта и жалѣя объ утраченной доблести предковъ, доблести, которую они идеализировали, они не могли составить себѣ идеи прогресса. Отказавшись отъ идеи золотого вѣка и зная, что самые отдаленные предки наши были дикарями и варварами; имѣя за собою болѣйшій историческій опытъ и прилагая къ разработкѣ исторіи болѣе совершенныя приемы; видя вокругъ себя реформу отживающихъ учреждений и замѣну ихъ новыми, которыя прежде уже были сознательными идеалами мыслящаго ума; не идеализируя своего прошедшаго и возлагая надежды на лучшее будущее; сознательно производя ради него реформы въ нашей жизни; сравнивая, наконецъ, наше европейское общество съ обществомъ античнымъ, — мы внесли въ исторію идею

прогресса, которая появилась и стала развиваться въ сознаніи новой Европы, когда подъ вліяніемъ изученія классической древности въ Европѣ совершился умственный переворотъ, отдѣляющій средніе вѣка отъ новаго времени.

Но если, повторяемъ, древніе не дошли до идеи прогресса, осуществляющагося въ исторіи, то, тѣмъ не менѣе, въ ихъ жизни совершился прогрессъ, какъ это уже можно было отчасти видѣть изъ предыдущаго изложенія. Я, однако, позволю себѣ остановиться на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе и съ этою цѣлью прежде всего приведу опредѣленіе прогресса, сдѣланное мною во вступительной лекціи, которой я открылъ свои историческіе курсы въ Варшавскомъ университетѣ. Это опредѣленіе будетъ служить намъ критеріемъ для общей оцѣнки древней исторіи. «Въ человеческомъ обществѣ, — сказано тамъ *), — состоящемъ изъ способныхъ къ психической жизни индивидуумовъ, естественно и необходимо возникаетъ психическое ихъ взаимодѣйствіе, результатами коего являются *обмѣнъ мыслей, сочувствіе*, иначе называемое симпатіей, и *общія стремленія*... Обмѣнъ мыслей и, какъ частный видъ его, передача духовнаго наслѣдія однимъ поколѣніемъ другому, т.-е. традиція, суть главные рычаги прогресса умственнаго, создающаго для человѣка новые интересы и обогащающаго его знаніями: человѣкъ уже не занятъ исключительно добываніемъ средствъ къ существованію, самое это добываніе облегчается тою властью надъ силами природы, которая дается знаніемъ, въ чемъ одномъ уже заключается возможность ограниченія животной борьбы за существованіе, при коей, по выраженію Гоббса, homo hominī lupus. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ развивающіяся въ обществѣ и закрѣпляемые органическою наслѣдственностью симпатическія чувства, т.-е. способность проникаться чувствами другого чело-

*) Формула прогресса въ изученіи исторіи. Варшава, 1879, стр. 6—8. Подробнѣе эти мысли развиты въ сочиненіи моемъ «Основные вопросы философіи исторіи». Москва, 1883.

вѣка, не жить исключительно побужденіями эгоистическими, но ощущать въ себѣ то, что въ противоположность эгоизму названо альтруизмомъ. Наконецъ, общія стремленія создаютъ сотрудничество, кооперацію, которая при развитіи духовныхъ интересовъ и симпатическихъ инстинктовъ и при наибольшей, сколько возможно, власти надъ силами природы, можетъ быть самой выгодной формой общежитія съ возможнымъ устраненіемъ борьбы внутри самаго общества». Итакъ, мы различаемъ прогрессъ умственный, нравственный и социальный. «Органическая наслѣдственность совершенствуетъ умственные способности человѣка, а то, что мы называемъ *традиціей*, создаетъ духовную культуру, умственное богатство, оставляемое однимъ поколѣніемъ другому и каждымъ изъ нихъ постепенно *увеличиваемое*; органическая наслѣдственность закрѣпляетъ за человѣкомъ симпатическія чувства, а рядомъ съ этимъ вырабатываются извѣстные правила, въ коихъ старшія поколѣнія *воспитываютъ* младшія, постоянно *усовершенствуя* самыя эти правила; наконецъ, та же наслѣдственность органическихъ свойствъ все болѣе и болѣе дѣлаетъ человѣка животнымъ общественнымъ, и независимо отъ этого отъ одного поколѣнія къ другому *переходятъ* извѣстныя формы общежитія, сами *способныя къ улучшенію* вслѣдствіе постоянной переработки ихъ людьми. Другими словами, мы видимъ, что органическая наслѣдственность имѣетъ стремленіе улучшать самую человѣческую природу, дѣлая насъ болѣе умными, добрыми, общительными, а съ другой стороны, традиція даетъ намъ готовые знанія, правила поведенія, общественныя учрежденія, которыя мы можемъ сами передать нашимъ преемникамъ въ дополненномъ и исправленномъ видѣ. Рядомъ съ прогрессомъ *человѣчества* совершается такимъ образомъ и прогрессъ создаваемой имъ себѣ среды, т.-е. *культуры*, слагающейся у каждаго народа изъ его міросозерцанія, правилъ нравственности и общественного строя». Традиція есть, такимъ образомъ, необходимая основа

прогресса, но господство одной традиціи безъ постоянной переработки культуры, что мы видимъ въ исторіи Востока, ведетъ къ застою. Античный міръ не зналъ такого застоя: онъ шелъ впередъ, и это движеніе совершалось по всѣмъ тремъ указаннымъ нами направленіямъ. Прогрессъ умственный въ немъ тѣмъ болѣе былъ возможенъ, что мысль пользовалась свободой; прогрессъ нравственный былъ необходимымъ слѣдствіемъ выработки общечеловѣческой культуры и того взгляда на достоинство человѣка, который долженъ былъ возникнуть въ общинахъ, состоявшихъ изъ свободныхъ и дорожившихъ своею свободой гражданъ; прогрессъ социальный тѣмъ болѣе былъ возможенъ, что античная жизнь не была замкнута въ опредѣленные рамки, но свободно двигалась и свободно развивалась. Гдѣ нѣтъ свободы изслѣдованія, гдѣ человѣкъ не дорожитъ своимъ достоинствомъ и не признаетъ этого достоинства въ другомъ, гдѣ его дѣятельность скована чужою властью, тамъ нѣтъ и не можетъ быть прогресса. Такъ было на Востокѣ. Могъ-ли тамъ происходить прогрессъ умственный, когда вѣрованія и знанія считались разъ навсегда данной свыше истиной, отступать отъ которой — преступленіе? Могъ-ли тамъ быть прогрессъ нравственный, когда моральныя правила признавались только по отношенію къ соплеменникамъ, и человѣкъ, пригнетенный деспотизмомъ, не могъ уважать личнаго достоинства въ другомъ человѣкѣ, такомъ же пригнетенномъ, какъ и онъ? Могъ-ли, наконецъ, совершаться тамъ прогрессъ социальный, когда общество въ своей дѣятельности было сковано по рукамъ и установленный строй принимался за нѣчто, отъ вѣка существующее и измѣненію не подлежащее? Конечно, нѣтъ. Не такъ было въ классическомъ мірѣ, и классическій міръ шелъ впередъ.

Доказывать, что греки и римляне прогрессировали въ умственномъ отношеніи совершенно излишне. Древніе оставили намъ слишкомъ богатое наслѣдство въ своей наукѣ, философіи, правѣ, чтобы сомнѣваться въ этой истинѣ. Съ другой стороны,

мы слишком хорошо знаемъ, какъ невеликъ былъ умственный багажъ, съ какимъ они пустились въ свою историческую дорожку, чтобы не отвѣтить весьма обстоятельно на вопросъ, что же было сдѣлано ими. Греки были главными вождами въ этомъ путешествіи, и въ него они увлекли и другіе народы. Своимъ духовнымъ богатствомъ древніе удивили европейцевъ среднихъ вѣковъ и, только получивъ это наслѣдіе, новые народы сами могли двинуться впередъ. Да и идея прогресса возникла главнымъ образомъ изъ разсмотрѣнія интеллектуальной исторіи древняго міра. И умственные способности человѣка были, такъ сказать, донельзя усовершенствованы въ греческой расѣ, давшей столько великихъ людей во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго творчества. Здѣсь прогрессъ несомнѣнный.

Перейдемъ теперь къ морали. Начало исторической жизни грековъ и римлянъ было эпохой весьма низкаго уровня нравственного развитія. Въ человѣкѣ цѣнились чуть не исключительно тѣло, физическая сила и ловкость; сила составляла единственное право по отношенію ко всѣмъ людямъ, стоявшимъ внѣ извѣстной гражданской общины, внѣ извѣстнаго племени: нравственные обязанности признавались только въ отношеніяхъ къ сочленамъ своего общества, которое понималось притомъ очень узко. У римлянъ слова *иностранецъ* и *врагъ* были синонимы, и само право освящало надъ врагомъ всякаго рода насилія: *adversus hostem aeterna auctoritas esto!* То, что нынѣ считается преступнымъ, нерѣдко прославлялось, какъ героическій подвигъ, и греческая мифологія была полна такими рассказами о богахъ, которые возмущали впослѣдствіи болѣе чуткую совѣсть позднѣйшихъ поколѣній: на такихъ мифахъ отразилось нравственное состояніе общества, ихъ создавшаго, варварство той эпохи, когда они возникли. Беззащитные — старики, женщины, дѣти, люди, побѣжденные на войнѣ, — были предметомъ самаго грубого насилія. Человѣческая личность сама по себѣ не уважалась, и законы освящали безконтрольную власть сильныхъ надъ

слабыми: господинъ могъ, какъ ему было угодно, распоряжаться со своимъ рабомъ; женщина была вѣчнымъ малолѣткомъ и не имѣла почти никакихъ правъ по отношенію къ своему отцу, мужу, опекуну; *potestas patria* держала въ вѣчной кабалѣ взрослого сына. Месть, самая свирѣпая, неумолимая вражда, были своего рода добродѣтелями. Въ международных отношеніяхъ господствовала голая сила, и обращеніе побѣжденныхъ въ рабство было прогрессомъ сравнительно съ тѣми случаями, когда ихъ безпощадно избивали, щадя только женщинъ и дѣтей для продажи въ неволю. Съ другой стороны, существовавшія въ обществѣ моральныя предписанія, наблюдаясь только по отношенію къ членамъ одной гражданской общины, стояли въ тѣсной связи съ сакральными требованіями, не имѣвшими этического характера, и часто дѣяніе, въ нравственномъ смыслѣ безразличное, считалось болѣе важной доблестью, нежели какой-нибудь дѣйствительно моральный поступокъ. Позднѣйшая исторія сохранила много чертъ этого первобытнаго варварства; въ ней были эпохи сравнительно высокой цивилизаціи, когда нравственность была однако въ полномъ упадкѣ, но не смотря на все это, можно обнаружить нѣкоторый моральный прогрессъ въ древнемъ мірѣ. Напримѣръ, этические ученія составляютъ видную часть греческой философіи, а у римлянъ философія главнымъ образомъ и существовала только въ смыслѣ моральныхъ системъ. Въ этихъ ученіяхъ вырабатывался принципъ духовнаго достоинства и совершенства человѣка: идеаломъ было уже не атлетическое тѣло, не храбрость на войнѣ, не насильственность во всемъ поведеніи, свидѣтельствующая о физической мощи, а нѣчто другое, что каждый философъ опредѣлялъ по своему, но что можно обобщить подъ современнымъ выраженіемъ *нравственное развитіе*. Далѣе, въ этихъ ученіяхъ принципъ морали освобождается отъ своего сакральнаго характера, благодаря которому нравственная обязанность и исполненіе какого-либо чисто-внѣшняго обряда считались за одно и то же: фило-

соффы ищутъ для морали основы въ природѣ человѣка и во всеобщемъ разумѣ и, даже выводя правила поведенія изъ врожденнаго человѣку стремленія къ счастью, умѣютъ все-таки самое счастье опредѣлить такъ, что оно не похоже на чисто животное удовлетвореніе своимъ потребностямъ низшаго рода. По ученію стоиковъ, самому возвышенному, до какого только додумался древній человѣкъ, истинное блаженство сообщается добродѣтелью, т.-е. жизнью, сообразной съ разумной природой души. Въ эту философію все болѣе и болѣе проникаютъ и все болѣе и болѣе въ ней укрѣпляются симпатическія чувства къ человѣку, и самъ стоицизмъ въ этомъ отношеніи совершилъ большой прогрессъ сравнительно съ тѣмъ основнымъ принципомъ, изъ котораго исходила вся школа. Въ началѣ это была доктрина какого-то спокойнаго безразличія, философскаго безстрастія, которая порицала всякій аффектъ, нарушающій внутренній миръ человѣка, равновѣсіе его души. Мудрецъ, по первоначальному ученію стоиковъ, не долженъ давать состраданію власти надъ собою; онъ не долженъ знать и чувства прощенія. Зло, господствующее въ мірѣ, они не думали побѣждать: они учили, что для себя его можно сдѣлать нечувствительнымъ, возвышаясь надъ нимъ безстрастіемъ своего духа. У позднѣйшихъ стоиковъ римской эпохи, у Сенеки, у Марка Аврелія, у Эпиктета эта моральная доктрина уже отрѣшается отъ своей безразличной исключительности: стоицизмъ дѣлается проповѣдью состраданія, любви къ ближнему, братства и одинаковаго достоинства всѣхъ людей. «Природа,—говоритъ Сенека,—сдѣлала насъ всѣхъ родными... Она внушила намъ взаимную любовь... Нужно жить для другихъ, если ты хочешь жить для себя... Природа вложила въ сердце человѣка любовь къ себѣ подобнымъ, она приказываетъ намъ быть имъ полезными, будутъ-ли они свободные или рабы, благородные или вольноотпущенники. Вездѣ, гдѣ есть человѣкъ, есть мѣсто для благодѣянія... Есть-ли кто любящею человѣка? Люди рождены для взаимной помощи; они стремятся

къ соединенію, хотятъ быть полезными; они помогаютъ даже незнакомымъ; они готовы жертвовать собою ради другихъ». У Сенеки остается еще кое-что изъ того безстрастія, которое было идеаломъ раннихъ стоиковъ: «мудрецъ,—говоритъ онъ,—наприм., оттереть слезы другихъ, но не примѣшаетъ къ нимъ своихъ... Онъ не будетъ сострадательнымъ, но онъ будетъ помогать другимъ». Но за то онъ порицаетъ ненависть и мстительность, какъ недостойныя мудреца. У Эпиктета мы находимъ уже такія мѣста: «Это—разбойникъ, не долженъ-ли онъ погибнуть? Скажи лучше: этотъ человѣкъ находится въ заблужденіи, онъ слѣпъ; развѣ слѣдуетъ предавать смерти слѣпца или глухаго?.. Одинъ пиратъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, и нѣкто далъ ему одѣяніе, принялъ его къ себѣ и снабдилъ всѣмъ необходимымъ. Когда его стали бранить за то, что онъ оказывалъ благодѣяніе разбойнику, онъ отвѣчалъ: я исполнилъ свой долгъ не по отношенію къ этому человѣку, а по отношенію къ человѣчеству... Ты гражданинъ міра, ты часть вселенной. Но какова главная обязанность гражданина? Это — не руководиться исключительно своей пользой, какъ будто бы онъ былъ отдѣленъ отъ общаго союза, но дѣйствовать, какъ рука или нога, которыя, —если бы могли разсуждать и понимать устройство природы,—направляли бы свои движенія и свои стремленія сообразно съ потребностями всего тѣла». «Душа моя,—восклицаетъ императоръ Маркъ Аврелій,—испытаешь-ли ты наконецъ блаженство любить людей и имъ благодѣтельствовать?.. Люби людей, съ которыми тебѣ суждено жить, и люби ихъ истинною любовью... Чего тебѣ еще нужно, когда ты дѣлаешь добро людямъ? Развѣ тебѣ недостаточно того, что ты сдѣлалъ нѣчто, соответствующее твоей природѣ, и ты хочешь еще награды? Это все равно, если бы глазъ потребовалъ платы за то, что смотритъ, и ноги за то, что ходятъ... Я членъ одного великаго тѣла, которое составляютъ всѣ разумныя существа... Такой-то меня презираетъ, это его дѣло. Что касается до меня, то я буду остерегаться дѣлать и гово-

рять что-либо достойное презрѣнія. Другой меня ненавидитъ, и это его дѣло. Я кротокъ и хорошо ко всѣмъ расположенъ»... Тѣ же стояки провозглашали, что отечество чловѣка вся вселенная, что и рабы имѣютъ тѣ же нравственные достоинства, какія вообще заключаются въ чловѣческой природѣ, что всѣ люди братья, что любовь къ ближнему есть главный законъ, связывающій всѣхъ людей въ одно великое отечество и т. д., т.-е. проповѣдывали принципы, діаметрально противоположныя тѣмъ, которые лежали въ основѣ морали грека и римлянина въ началѣ ихъ исторической жизни. Насколько эти принципы проникали въ жизнь, это другой вопросъ, но что они могли зародиться только въ обществѣ, достигшемъ извѣстной степени нравственного развитія, это не подлежитъ сомнѣнію. Шагъ впередъ такимъ образомъ былъ сдѣланъ античнымъ міромъ и въ нравственномъ отношеніи, если сравнить только, позволимъ себѣ такъ выразиться, моральную философію самаго древняго періода греческой и римской жизни съ ученіемъ, напр., позднѣйшихъ стоиковъ.

Теперь, наконецъ, прогрессъ соціальный.—Война есть одно изъ самыхъ антисоціальныхъ явленій. Греки и римляне начали съ войны; войной Римъ завоевалъ древній міръ; война прославлялась старыми поэтами. Объединеніе «вселенной» Римскою имперіею водворило миръ, по крайней мѣрѣ, внутри этой имперіи, направило общество къ болѣе мирной дѣятельности и заставило тогдашнихъ поэтовъ прославлять уже *pacem romanam*. Позднѣйшія войны имперіи имѣли цѣлью не столько расширение, сколько защиту границъ. Въ началѣ античной исторіи мы замѣчаемъ, далѣе, доведенный до крайности партикуляризмъ: одна община вѣчно враждуетъ съ другою, и если составляются союзы общинъ, то одна изъ нихъ, самая сильная, пользуется союзомъ лишь для того, чтобы владычествовать: это—господство города надъ городомъ, гражданъ надъ побѣжденными, какъ антисоціальныи результатъ антисоціального обособленія отдѣль-

ныхъ общинъ, изъ коихъ каждая не считаетъ себя связанной какими-либо узами съ другими. Но среди этого хаотическаго быта замѣчается и отчасти осуществляется стремленіе къ единенію на началахъ равноправности: греческіе города создали ахейскій союзъ; замкнутый сначала самъ въ себѣ, Римъ распространилъ права своихъ гражданъ на все свободное населеніе имперіи. Внутри гражданскихъ общинъ сначала господствуетъ антисоціальныи принципъ крайняго неравенства; эвпатриды, патриціи являются едиными господами и распорядителями общинъ, демосъ, плебеи либо совсѣмъ исключены изъ пользованія политическими правами, либо играютъ самую послѣднюю роль. Развѣ нельзя причислить къ прогрессивнымъ явленіямъ паденіе этого неравенства, когда, напр., въ Аѳинахъ установилась демократія, когда въ Римѣ были уравнены права патриціевъ и плебеевъ? Правда, античный міръ палъ, не уничтоживъ рабства, но законодательство имперіи, взявшее раба подъ свою защиту, было прогрессомъ въ сравненіи съ болѣе раннимъ правомъ, оставлявшимъ раба въ полной зависимости отъ господина, и тоже слѣдуетъ сказать объ образованіи къ концу имперіи многочисленнаго класса колоновъ (крѣпостныхъ), несвобода котораго была относительно меньшею и въ который стали постепенно переходить прежніе рабы.—Соціальныи принципъ есть принципъ солидарности, и понятное дѣло, что эта солидарность имѣла къ концу античнаго міра гораздо болѣе широкую сферу дѣйствія, чѣмъ въ началѣ его исторіи: всѣ жители обширной имперіи были теперь такъ же солидарны между собою, какъ прежде могли быть солидарны только жители одного города; между отдѣльными общественными классами было болѣе солидарности, когда ихъ права были уравнены, нежели тогда, когда сословія чуть не были готовы превратиться въ касты на подобіе тѣхъ, какія существовали въ Индіи. Правда, Римская имперія не осуществила принципа вполнѣ, но, спрашивается, осуществило ли его хотя одно изъ новыхъ государствъ Европы?

Давая выше формулу прогресса и примѣняя ее къ исторіи античнаго міра, я не оговорился, что въ ней идетъ рѣчь только объ условіяхъ возможности прогресса: нужно различать *тенденцію* общественной жизни очеловѣчивать людскую природу и *дѣйствительные факты*, бывающіе слѣдствіемъ и другихъ причинъ, которыя дѣйствуютъ часто въ направленіи, диаметрально противоположномъ указанной тенденціи. Поэтому-то и не существуетъ прямолинейнаго и безостановочнаго прогресса: рядомъ съ указанной прогрессивной силой въ дѣйствительности проявляютъ себя еще иныя силы, которыя искажаютъ, замедляютъ, останавливаютъ прогрессъ, даже толкаютъ общество часто назадъ. Вслѣдствіе этого прогрессъ существуетъ рядомъ съ регрессомъ; поэтому же отдѣльныя теченія прогресса опережаютъ одно другое или одно отъ другого отстаютъ: высокая культура народа, выработанная его предками, не всегда гармонируетъ со степенью духовнаго развитія его членовъ, и тогда происходитъ пониженіе культуры; подобнымъ образомъ высшее умственное развитіе встрѣчается рядомъ съ меньшимъ соответствіемъ между поведеніемъ людей и ихъ нравственными правилами, чѣмъ это было при менѣе значительномъ умственномъ развитіи, и тогда въ обществѣ происходитъ пониженіе нравственнаго уровня: воръ, знающій, что воровать дурно, безнравственнѣе вора, который видитъ въ своемъ занятіи нѣчто, вовсе порицанія не заслуживающее; наконецъ, менѣе сносныя для большинства формы общежитія мирятся иногда съ самымъ развитымъ міросозерцаніемъ, и тогда умственный прогрессъ, не сопровождаемый прогрессомъ социальнымъ, является чѣмъ-то одностороннимъ и непрочнымъ и т. д.; или же бываетъ и такъ, что прогрессъ одного общественнаго слоя сопровождается регрессомъ въ другомъ, и тогда самый социальный строй приходитъ въ разложеніе. Исторія есть явленіе въ высшей степени сложное, представляя рядъ одновременныхъ и послѣдовательныхъ, частью другъ друга обусловливающихъ, частью другъ на друга вліяющихъ культурно-

соціальныхъ процессовъ весьма различнаго свойства. Очевидно, что между находящимися во взаимодействіи общественными явленіями есть прогрессивныя, есть и регрессивныя. Иногда послѣднія являются зародышами смертельной болѣзни, которую не въ силахъ предотвратить первыя, или же прогрессивной тенденціи приходится обрабатывать такой матеріалъ, который очень трудно поддается обработкѣ, и обрабатывать его притомъ средствами, прямо не ведущими къ цѣли. Таковъ именно былъ случай античнаго міра. Прогрессивность его исторіи очевидна, но въ высшее состояніе перешли такіе старые недуги и выработались изъ нихъ такіе новые, что должны были естественно и необходимо привести къ смерти. Вотъ общее рѣшеніе вопроса, мною предлагаемое. Перейдемъ къ частностямъ и начнемъ съ самой капитальной изъ этихъ частныхъ.

Прогрессъ въ древнемъ мірѣ былъ лишенъ главныхъ условий прочности. Во-первыхъ, что имѣло особенное значеніе на Востокѣ, цивилизація не была такъ ограждена отъ варварскихъ нашествій, какъ теперь: Египтомъ одно время завладѣли номады; внезапное крушеніе Ассиріи объясняютъ вторженіемъ сѣверныхъ варваровъ; Римская имперія была потрясена такъ называемымъ великимъ переселеніемъ народовъ, а потомъ въ Европу приходили азіатскіе кочевники, начиная съ гунновъ, дошедшихъ до Парижа, и кончая аварами, мадьярами, печенѣгами и половцами, татарами и турками, которые уже все менѣе и менѣе имѣли возможности двигаться на западъ. Во-вторыхъ, античная цивилизація съ цивилизаціей Востока была только цивилизаціей меньшинства, масса же продолжала коснѣть въ не-вѣжествѣ: трудъ этой массы поддерживалъ существованіе меньшинства, но сама она рабствомъ, бѣдностью, отвращеніемъ отъ нея образованныхъ классовъ, деспотизмомъ государства была поставлена въ невозможность развитія. Благодаря самому прогрессу, совершившемуся въ одномъ только культурномъ слѣ, съ теченіемъ времени пропасть между меньшинствомъ и большин-

ством дѣлалась все большею и большею, что само по себѣ было явленіемъ регрессивнымъ. Въ раннюю эпоху привилегированный слой и масса связаны были множествомъ переходныхъ ступеней, равно какъ одинаковой степенью умственного развитія, общими вѣрованіями, преданіями и т. п. Прогрессъ именно и состоялъ въ разложеніи этихъ вѣрованій и преданій, но такъ какъ онъ ограничивался только однимъ слоемъ, то первоначальное единство разрушалось: культурный слой, интеллигенція пережила вѣру отцовъ и находилась подъ вліяніемъ философскихъ ученій, масса жила всякаго рода суевѣріями; въ интеллигенціи вырабатывалась самая гуманная мораль, тогда какъ народъ былъ въ совершенно дикомъ состояніи; меньшинство додумывалось до болѣе правильныхъ формъ общежитія и пользовалось правами людей, народъ не имѣлъ понятія о правильномъ гражданскомъ бытѣ и, находясь въ рабствѣ, не имѣлъ ни учреждений, ни правъ, ни патріотизма. Изолированное меньшинство не могло быть носителемъ прогресса, когда масса разучилась понимать меньшинство и начинала имъ тяготиться: то большинство, которое составляетъ силу всякаго общества, не имѣло основаній поддерживать меньшинство, двигавшее общество впередъ, но оторванное отъ народа; самое меньшинство, изолированное отъ массы, теряло подъ собою почву, лишалось своей основы, не освѣжалось притокомъ новыхъ силъ, забывало свою связь съ цѣлымъ, жило искусственною жизнью оранжерейнаго цвѣтка, постепенно падало отъ внутренняго безсилія и внѣшнихъ ударовъ, утрачивало свободу, не имѣя возможности заинтересовать все населеніе въ ея поддержкѣ, а со свободой теряло одно изъ условій самаго существованія прогресса. Цивилизація должна была изнежить: невѣжественная, грубая, безправная масса не могла поддержать ту культуру, которую выработало для себя меньшинство. Такъ и случилось въ Римской имперіи: въ основѣ ея находились цѣлыя, такъ сказать, стада рабовъ и крѣпостныхъ, жившихъ въ полуживотномъ состояніи; въ провинціяхъ только

верхи общества прониклись греко-римской цивилизаціей; опираясь на политическую неразвитость всего населенія и на испорченность прежнихъ свободныхъ гражданъ, происшедшую отъ той деспотической власти, которую они имѣли надъ населеніемъ, — въ государствѣ водворился крайній деспотизмъ, задерживавшій свободное движеніе общества и истощавшій его матеріальныя силы; интеллигенція стала жить въ постыдномъ политическомъ индифферентизмѣ, ведшимъ за собою пониженіе всей культуры; имперія бѣднѣла отъ эксплуатаціи большинства меньшинствомъ и всѣхъ вмѣстѣ деспотическимъ правительствомъ, за обѣднѣніемъ слѣдовали уменьшеніе народонаселенія, невозможность для интеллигенціи поддерживать свою культурную жизнь, пониженіе интеллигенціи до уровня массы, усиленіе преданій этой массы, что вело къ застою, къ коснѣнію въ разѣ установившихся рамкахъ, — примѣръ — Византія съ ея чисто восточнымъ складомъ жизни. Античный міръ шелъ, такъ сказать, по ложной дорогѣ: онъ выработалъ многое въ области мысли, но эта мысль была достояніемъ незначительнаго меньшинства; онъ сталъ доходить до болѣе высокой морали какъ разѣ въ то время, когда характеры мельчали подъ вліяніемъ политическаго деспотизма; онъ установилъ лучшія формы общежитія, уничтоживъ вѣчную войну между городами и народами, вошедшими въ составъ имперіи, уничтоживъ политическую и національную исключительность, уничтоживъ зародыши кастическаго устройства общества въ союзѣ свободныхъ людей, но онъ оставилъ существованіе рабства и выработалъ крайнее культурное неравенство. Могла-ли быть прочной эта цивилизація? Главнаго условія ея прочности, т.-е. солидарности въ обществѣ — не было: интеллигенція изъ духовнаго предводительства народа превратилась въ паразитизмъ; постоянной переработки культуры критическою мыслью меньшинства не могло существовать тамъ, гдѣ она, эта критическая мысль, не замѣчала общественной дисгармоніи, гдѣ стоическіе философы и ве-

личайшіе юристы не примѣняли къ дѣйствительнымъ отношеніямъ того, къ чему пришли въ области отвлеченной теоріи. Теорія оставалась теоріей, совершенно не примѣненной къ жизни, и жизнь не могла идти впередъ, когда не вступала на дорогу, указанную ей разумомъ. Противъ этой цивилизаціи, не удовлетворявшей интересовъ массы, масса и поднималась: это были внутренніе варвары поопаснѣе внѣшнихъ.

Рабство, эта власть человѣка надъ человѣкомъ, развращало общество свободныхъ гражданъ, приучало его къ празднои жизни, къ легкому удовлетворенію своихъ прихотей, къ разнымъ порокамъ, которые рабы развивали въ своихъ господахъ, чтобы добиться ихъ милости. Съ другой стороны, здѣсь была вѣчная причина бунтовъ и возстаній. Въ половинѣ V вѣка до Р. Х. Спарта чуть не погибла отъ возстанія гелотовъ и мессенцевъ, и только помощь Аѳинъ спасла ее. Въ римской исторіи намъ извѣстенъ рядъ заговоровъ и возстаній рабовъ, начиная съ того, который былъ въ самомъ началѣ республики, послѣ изгнанія Тарквинія Гордаго. Особенно замѣчательно возстаніе рабовъ въ Италіи подъ начальствомъ Спартака, когда рабы-гладиаторы собрали громадную силу, и только войска Красса и Помпея спасли Римъ отъ гибели (71 г. до Р. Х.). А между тѣмъ съ эпохи великихъ завоеваній число рабовъ увеличивалось, и уже Тацитъ говорить, что число ихъ доходитъ до ужасныхъ размѣровъ, а число свободныхъ уменьшается. вмѣстѣ съ этимъ, правда, умножается число отпущенныхъ на волю, но они, входя въ составъ гражданства, понижаютъ его культурный уровень и, довольствуясь своей личной свободой, не заботятся о свободѣ гражданской. Подъ конецъ имперіи зло, созданное рабствомъ, было такъ велико, что императоры начали колонизировать германскими варварами пустыя пространства. Въ эпоху самаго паденія имперіи рабы и колонны (крѣпостные) производятъ возстанія (багауды въ Галліи), бѣгутъ къ германцамъ, зовутъ ихъ къ себѣ, открываютъ имъ городскія ворота, соединяются съ ними. Цивилизаціи приходилъ конецъ.

Власть Рима надъ провинціями, тотъ имперій, которымъ онъ пользовался по отношенію къ побѣжденнымъ, дала свои плоды подобнаго же свойства. Мы видѣли, что римляне, завоевывая разныя земли, не включали ихъ въ свое государство, не дѣлали ихъ составными частями своей республики. Уравненіе провинцій съ Италіей началось, когда Римъ утратилъ свои свободныя учрежденія. *Populus romanus*, державшій въ рукахъ своихъ судьбу міра, жившій добычей съ войны, обиравшій провинціи, получавшій оттуда золото и рабовъ, развращенный своимъ господствомъ, самъ распадался на оптиматовъ, видѣвшихъ въ провинціяхъ дойную корову, и пролетаріевъ, которые, ничего не имѣя и привыкнувъ къ праздности, торговали своими политическими правами, подачей голосовъ въ комиціяхъ, и готовы были идти за каждымъ честолюбцемъ, сулившимъ золотыя горы. Около 130 г. до Р. Х. эти двѣ враждебныя силы вступили въ борьбу, но она охватила потомъ весь міръ и окончилась установленіемъ единой державы, отнявшаго у державнаго народа все его права: около ста лѣтъ продолжалась эта революція, начавшись граковскими замѣшательствами въ самомъ Римѣ, усложнившись внѣшними войнами, борьбою съ союзниками въ Италіи, возстаніемъ рабовъ и перешедши, наконецъ, въ междоусобныя войны партій и честолюбцевъ. Установленіе имперіи было утвержденіемъ міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ деспотизма, такъ какъ имперій, прежде принадлежавшій Риму надъ провинціями, императоры распространили и на Римъ, и на провинціи. Последнія сначала отдохнули отъ римской усобицы и грабежа римскихъ намѣстниковъ; онѣ постепенно получили права римскаго гражданства и вошли въ составъ государства равноправными членами, но гнетъ центральнаго правительства все увеличивался, и провинціи стали возмущаться. Муниципальныя учрежденія имперіи также падали подъ этимъ гнетомъ: выборныя городскія власти (куріалы) сдѣлались отвѣтственными за неисправный взносъ податей въ казну, и дѣло дошло до того,

что поступленіе въ число такихъ куріаловъ превратилось въ наказаніе. Имя римлянина стало тягостью, и провинціалъ пересталъ дорожить единствомъ имперіи. Въ III вѣкѣ провинціи на время отторгаются отъ имперіи подъ властью провинціальныхъ императоровъ; въ IV вѣкѣ имперія обращается къ варварамъ, принимая ихъ къ себѣ на службу въ качествѣ своихъ защитниковъ; въ V в. Западная имперія падаетъ, а Восточная вступаетъ въ періодъ тысячелѣтняго застоя, во время котораго теряетъ одну провинцію за другою.

Подъ вліяніемъ замѣчавшагося паденія въ античномъ обществѣ не могъ не развиваться страшный пессимизмъ, составлявшій такую противоположность съ радостнымъ міросозерцаніемъ минувшихъ временъ. Все, чѣмъ жило античное общество, падало. «Человѣкъ нигдѣ не иностранецъ, — говоритъ Плутархъ, — но его душа чужда этому міру: она покинула небо, чтобы соединиться съ смертнымъ и земнымъ тѣломъ». Земная мудрость, земная жизнь, земное государство перестаютъ интересоваться античнаго человѣка; восточныя языческія религіи, вопросъ о загробномъ мірѣ, мистическое углубленіе въ сущность человѣческой природы, занимаютъ его болѣе, чѣмъ наука и философія, удовольствія и радости жизни, политика и права гражданина. Смѣшеніе расъ и цивилизацій позволяетъ восточнымъ воззрѣніямъ быстро распространяться въ имперіи, гдѣ духъ старой цивилизаціи падалъ, и массы оказались болѣе способными проникнуться воззрѣніями Востока, чѣмъ цивилизаціей своего меньшинства: въ міросозерцаніе все болѣе и болѣе широкимъ русломъ входитъ восточный мистицизмъ, и неоплатоническая философія дѣлается какимъ-то повтореніемъ браманизма и буддизма; въ жизни начинается господствовать созерцаніе надъ дѣятельностью, и раздается проповѣдь политическаго индифферентизма, пессимизма и аскетизма; въ политикѣ деспотизмъ послѣднихъ цезарей является сколкомъ съ деспотизма персидскаго царя. И въ то же время античная традиція

такъ сильна, что пришедшее съ Востока христіанство съ проповѣдью царства не отъ міра сего и равенства всѣхъ людей кажется этому античному міру безуміемъ: античный человѣкъ не замѣтилъ, что его собственная религія и философія поставили его передъ порогомъ чего-то не отъ міра сего и что окружавшая его жизнь сама же разрушила то государство, одна принадлежность къ составу котораго была величайшимъ принципомъ неравенства между людьми. Общество раздѣляется на два враждебные лагеря — языческій и христіанскій, и борьба между ними завязалась не на животъ, а на смерть. Одинъ изъ борцовъ долженъ былъ погибнуть: новая религія стала въ слишкомъ исключительныя отношенія къ своему противнику, видя въ его мудрости только человѣческія заблужденія, въ его жизни одинъ плотской грѣхъ, въ его государствѣ царство сатаны. Удары, нанесенные античному міру христіанствомъ, были непоправимы: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» — воскликнулъ, умирая, императоръ Юліанъ, мечтавшій реставрировать античный міръ во всемъ его блескѣ. — «Оставимъ землю варварамъ и христіанамъ, — восклицаетъ одинъ изъ неоплатониковъ V вѣка, — а сами будемъ созерцать абсолютное Единое!» И земля досталась дѣйствительно варварамъ и христіанамъ. Нашествіе германцевъ было послѣднимъ ударомъ.

Древніе сами чувствовали, что ихъ міру приходитъ конецъ, сами видѣли его упадокъ и не могли вѣрить въ его прогрессъ. Они не понимали причинъ этого упадка, но что-то чуяли неладное, и тревога овладѣвала ихъ душами. Вотъ одинъ рассказъ, который мы находимъ у Плутарха, и который, такъ сказать, былъ выраженіемъ сознанія о близкой смерти эллинской культуры. Около временъ императора Тиберія одинъ корабль проходилъ недалеко отъ острова Пароса. Большая часть корабельщиковъ еще не спала и сидѣла за столомъ, когда съ одного изъ острововъ раздался громкій голосъ, всѣхъ поразившій, называвшій по имени Томаса, кормчаго корабля. При пер-

вомъ и второмъ вызовахъ Тома съ хранилъ молчаніе, при третьемъ онъ рѣшился отвѣтить, и тогда голосъ произнесъ еще съ большею силою: «когда ты будешь на высотахъ Памодовъ, возвѣсти, что великій Панъ умеръ». Достигнувъ назначеннаго мѣста, кормчій исполнилъ порученіе и съ кормы прокричалъ: «великій Панъ умеръ!» Тогда слышались шумныя восклицанія скорби и изумленія. Сами боги начали умирать. Тѣмъ же сознаниемъ внушенъ былъ Лукіану одинъ изъ его діалоговъ: Харонъ хочетъ познакомиться съ землею жизнью, которую тѣни такъ сожалеютъ; Гермесъ ему показываетъ картину человѣческихъ бѣдъ и тщету людскихъ трудовъ, показываетъ ему, какъ слава, сила, могущество, богатство, приходятъ въ ничтожество. Передъ глазами Харона являются разныя личности античной исторіи; онъ спрашиваетъ, гдѣ Ниневія, Вавилонъ, Микены, Троя. «Ниневія, — отвѣчаетъ Гермесъ, — погибла такъ, что не знаютъ даже мѣста, гдѣ она стояла. Вотъ Вавилонъ, украшенный своими башнями и гордый своими стѣнами; скоро будутъ искать, гдѣ находился этотъ царь городовъ. Что касается до греческихъ городовъ, до Микенъ, до Клеонъ, до Трои, они нѣкогда были могущественны, хотя поэтъ и преувеличилъ ихъ славу; теперь они мертвы, ибо и города умираютъ, какъ люди, и сама природа не избѣгаетъ этого закона разрушенія». — Фактъ упадка всей культуры констатировался древними, но они не понимали, что непрочность ея обуславливалась главнымъ образомъ тѣмъ, что она была оазисомъ въ пустынѣ: подули вѣтры, и песокъ пустыни стеръ съ лица земли роскошную растительность оазиса. Они не понимали, что ихъ умственный прогрессъ былъ непроченъ, ибо выработанное ими міросозерцаніе, ибо ихъ свобода мысли не могли утвердиться въ обществѣ, когда масса была способна воспринимать одинъ догматическій мистицизмъ. Они не понимали, что ихъ прогрессъ нравственный уродовался самымъ отношеніемъ меньшинства къ большинству, при чемъ послѣднее продолжало жить въ варварскомъ состоя-

ніи, такъ что философская мораль интеллигенціи была для него только гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Они не понимали, что всѣ успѣхи ихъ гражданственности не устранили главнаго и кореннаго недостатка ихъ соціальной жизни и были далеки отъ установленія такой солидарности между меньшинствомъ и массой, которая позволяла бы первому идти впередъ и въ своемъ поступательномъ движеніи вести за собою послѣднюю. Постепенно это меньшинство уменьшалось количественно, не имѣя притока новыхъ силъ извнѣ и разоряясь матеріально отъ бѣдственнаго положенія массы, — падало качественно, извѣрившись въ своихъ старыхъ идеалахъ и будучи сковано грубымъ деспотизмомъ, — и, конечно, должно было утратить всякое вліяніе на массу, когда между нимъ и ею явилась страшная пропасть. Прежняя цивилизація пала. Водворилось новое варварство, сдержанное только христіанствомъ. На сцену пришли новые народы, стоявшіе на томъ же уровнѣ развитія, на какомъ были греки и римляне въ началѣ своей исторіи. Зарождался новый порядокъ вещей. Людямъ снова пришлось дорабатываться до тѣхъ началъ, которыя уже были добыты древними. Но это новое варварство не было уже тѣмъ, чѣмъ было варварство старое. Регрессъ, замѣчаемый при переходѣ отъ древней исторіи къ среднимъ вѣкамъ, не могъ возвратитъ общество къ первобытному состоянію. Условій, благопріятныхъ для дальнѣйшаго движенія впередъ и для большей прочности будущей цивилизаціи, теперь было больше. Не все пало, ибо кое-что уцѣлѣло. Новые народы сохранили въ началѣ своей исторіи кое-какое наслѣдство древнихъ. Жизнь, снова получившая религиозную окраску, подчинялась теперь не первобытному политеистическому міросозерцанію, а высшей религіи, которая сама пришла съ проповѣдью многихъ принциповъ, бывшихъ послѣднимъ словомъ умиравшей философіи. Когда средніе вѣка совершили ту долю прогресса, которая для нихъ была возможна, и довели Европу до способности понять забытую античную ци-

визацію, человекъ въ наслѣдіи древнихъ нашелъ богатый запасъ знаній, идей, опыта и, овладѣвъ имъ, вышелъ изъ того состоянія, въ какомъ находился съ начала среднихъ вѣковъ, чѣмъ облегчилъ себѣ работу въ своихъ попыткахъ совершить то, что не удалось совершить античному міру. Античный міръ не безслѣдно прожилъ свою жизнь для новой Европы, и паденіе его было не настолько полно, чтобы мы могли заниматься его исторіей ради одного археологическаго интереса, какъ какой-нибудь китайской исторіей, для насъ отдаленной и не связанной съ нами традиціей и преемственностью цивилизаціи.

Выше я сказалъ, что античная жизнь интересна, какъ цѣльный и законченный процессъ; вы видѣли, что этотъ процессъ былъ весьма неполнымъ прогрессомъ и что самое свойство этого процесса должно было привести къ смерти античной цивилизаціи; такимъ образомъ, мы имѣемъ начало и конецъ процесса. Я указалъ еще на то, что античная исторія имѣетъ громадное значеніе для современности, для нашей цивилизаціи, и старался объяснить вамъ, что начало европейской исторіи въ ея качественномъ отличіи отъ исторіи Востока нужно искать въ Греціи и Римѣ, что новые европейскіе народы, при самомъ своемъ выступленіи на историческое поприще, применили къ античному міру, какъ его продолжатели, и что къ изученію классической философіи, науки, литературы обратились они, когда приготовились вступить въ новую исторію. Знаменательно, что европейская исторія, дѣлясь на древнюю, среднюю и новую, пограничными столбами между этими тремя большими отдѣлами ставитъ паденіе античной цивилизаціи, съ одной стороны, и возрожденіе ея въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ другой.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сравнительно-хронологическія таблицы къ исторіи Греціи и Рима.

А) Политическая исторія *).

(776—146).

ГРЕЦІЯ.	Годы до Р. Х.		РИМЪ.
Первая олимпіада	776	—	Предполагаемое основаніе Рима.
Десятилѣтнее архонство въ Аѣинахъ	—	753	
Девять годичныхъ архонтовъ	752	—	
Законъ Дракона	683	—	Нума Помпилій.
Законъ Солона	621	—	Анкъ Марцій.
Пизистратъ	594	—	Тарквиній Прискъ.
Паденіе Пизистратидовъ.	560—527	—	Сервій Туллій.
	510	510	Изгнаніе царей.
Возстаніе іонянъ.	499	—	Отшествіе плебеевъ на священную гору.
	—	494	
Мараѳонская битва . . .	490	—	

*) Въ этой таблицѣ, обнимающей шесть съ половиной вѣковъ, приведены только даты, которыя можно сблизить между собою. Вся таблица раздѣлена на четыре отдѣла: первый оканчивается 510 годомъ, когда въ Греціи утверждается демократія (въ Аѣинахъ), а въ Римѣ только переходятъ къ республикѣ; второй—338 годомъ, когда Греція лишается политической независимости и готовится подъ македонской гегемоніей къ завоеванію Персидской монархіи, а Римъ только что окончательно утверждается въ Лаціумѣ и находится наканунѣ завоеванія Италіи; въ III отдѣлѣ помѣщены даты изъ эпохи македонскаго владычества въ Греціи и завоеванія Италіи Римомъ, а въ IV изъ эпохи окончательнаго паденія греческихъ республикъ и великихъ завоеваній Рима внѣ Италіи.

ГРЕЦИЯ.

Годы до Р. Х.

РИМЪ.

	—	486	Первый аграрный законъ.
Конецъ 3-й мессенской войны.	455	—	
	—	451	Законы XII таблицъ.
Миръ съ персами. . . .	449	449	Паденіе децемвировъ.
Пелопоннесская война. .	431—404	406—396	Вейентинская война.
Походъ Агезилая.	396	396	Завоеваніе Вей.
	—	389	Вторженіе Галловъ.
Анталкидовъ миръ. . . .	387	—	
Битва при Левктрахъ. . .	371	—	
	—	367	Лициніевы законы.
Битва при Херонеѣ. . . .	338	338	Окончательное подчиненіе Лаціума.
<hr/>			
Александръ Великій. . . .	336—323	326—304	Вторая самнитская война.
Битва при Ипсѣ.	301	—	
	—	300	Окончательное уравниеніе въ правахъ патриціевъ и плебеевъ.
Ахейскій союзъ.	280	280	Битва при Гераклеѣ.
	—	241	Сицилія — первая провинція.
Смерть Агиса III.	240	—	
Битва при Селлазіи. . . .	222	222	Подчиненіе верхней Италиі.
<hr/>			
Первая римско-македонская война.	215—206	218—201	Вторая пуническая война.
Битва при Киноскефалахъ.	197	—	
Смерть Фелопемена. . . .	183	183	Смерть Спicioна Старшаго.
Паденіе Коринѣа.	146	146	Завоеваніе Карфагена.

В) Исторія литературы *).

Вѣка до Р. Х.

ГРЕЦИЯ.

РИМЪ.

V вѣкъ.

Эсхиль, Пиндаръ, Софокль, Геродотъ, Эврипидъ, Сократъ, Фукидидъ.

Конецъ V и начало IV вѣка.

Аристофанъ, Ксенофонтъ, Платонъ.

IV вѣкъ.

Аристотель, Демосеевъ.

Конецъ IV и начало III вѣка.

Эпикуръ, Зенонъ.

III вѣкъ.

Эвклидъ, Архимедъ.

Плавтъ, Энній.

II вѣкъ.

Полибій, Гиппархъ.

Теренцій.

I вѣкъ.

Цицеронъ, Юлій Цезарь, Лукрецій, Корнелій Непотъ, Катулъ, Саллюстій, Вергилій, Гораций, Проперцій.

Конецъ I вѣка до Р. Х. и начало I вѣка по Р. Х.

Страбонъ.

Титъ Ливій, Овидій.

I и II вѣкъ по Р. Х.

Плутархъ, Лукіанъ.

Сенека, Плиній Старшій, Ювеналъ, Плиній Младшій, Тацитъ.

*) Изъ этой таблицы можно видѣть, что время процвѣтанія римской литературы совпадаетъ съ эпохой упадка литературы греческой.